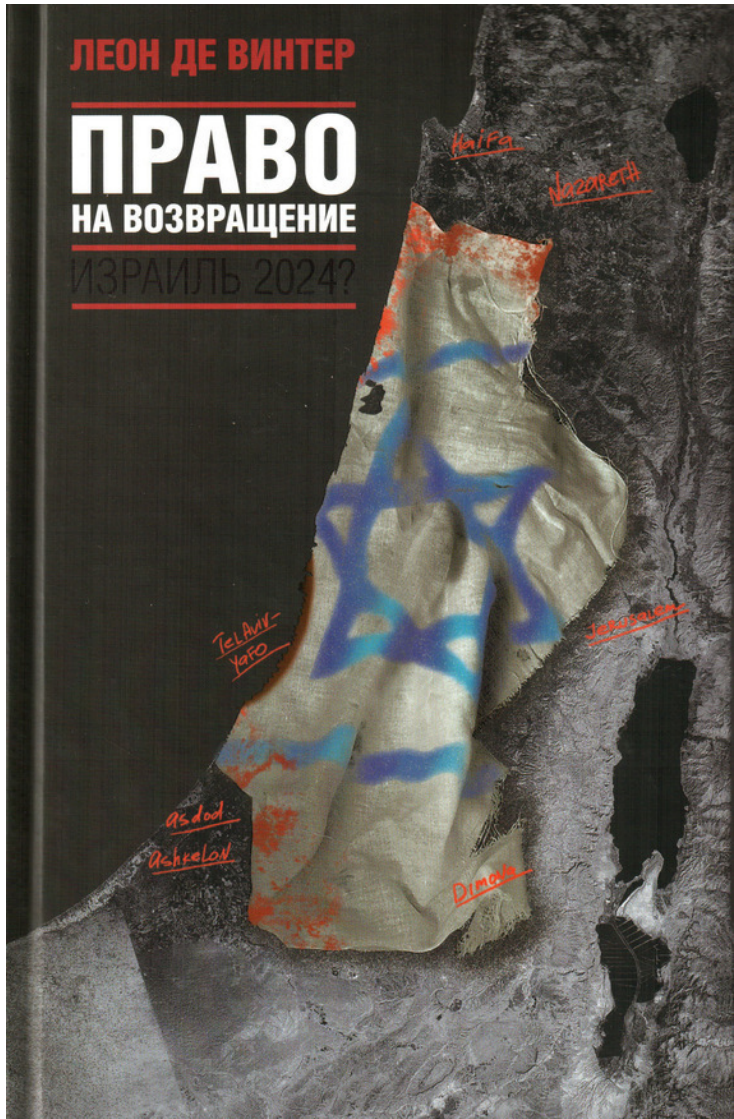

ЛЕОН ДЕ ВИНТЕР

ПРАВО НА ВОЗВРАЩЕНИЕ

ИЗРАИЛЬ 2024?

Леон де Винтер

Право на возвращение

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5826879

Право на возвращение: Мосты культуры / Гешарим; Москва,

Иерусалим; 2010

ISBN 978-5-93273-309-8

Аннотация

Сенсационный роман-антиутопия известного голландского писателя и публициста – максимально политически некорректный, написанный в жестком стиле американского триллера. Автор, известный своими антимусульманскими взглядами, обращается к проблематике ближневосточного конфликта. В описываемом недалеком будущем (в 2024 году) осажденный врагами Израиль теряет большую часть своей территории, уменьшаясь до размеров Большого Тель-Авива. Население в массовом порядке покидает страну. Один из немногих оставшихся – главный герой романа, Брам Маннхайм. Ученый-историк, работающий частным детективом по розыску пропавших детей, сталкивается с особенно сложным и запутанным делом, разгадка которого приведет его в Москву.

Содержание

Пролог	4
1	4
2	10
3	23
4	34
Часть первая	40
1	40
2	57
3	68
4	83
5	90
Часть вторая	109
1	109
2	125
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Леон де Винтер

Право на возвращение

Посвящается Моон, Моос и Джесс

Пролог

1

Тель-Авив
Апрель 2024

Вернувшись с последнего вызова, Брам Маннхайм проторчал в буфете станции «скорой помощи» до пол-третьего ночи. В мертвенном свете люминесцентных ламп он пил кофе с ребятами из ночной смены, жевал сладкие печеньеца и запивал их водкой.

Во время дежурства им пришлось выезжать десять раз. Четыре автокатастрофы, два отравления, одно самоубийство, три несчастных случая со стариками.

Проснулся Брам на диване в гостиной, почувствовав, что Хендрикус лижет ему руки. Была половина седьмого утра.

Пес терпеливо ждал, пока он натянет шорты и майку. Схватив мобильник, Брам взял Хендрикуса на руки и побежал с пятого этажа вниз, шлепая пластиковыми тапочками по бетонным ступенькам.

Пройдет полчаса, и Тель-Авив начнет просыпаться, погружаясь в ежедневную суету, а пока на пыльных улицах тихо, багровое солнце встает в небе, обещая ясный день. Но туман, поднимающийся над городом и морем, над тем, что только начнется сегодня утром, и тем, что существует в этой части мира многие тысячелетия, нес с собою запах распада и смерти.

Старина Хендрикус совершал свою прогулку не спеша, как и положено пожилому господину. Он более не считал нужным помечать все вокруг и аккуратно справлял нужду в одном из собачьих писсуаров, построенных на деньги американских спонсоров много лет назад, когда специальные комиссии еще следили за чистотой в этом районе. В солидных, элегантных домах жили тогда в основном эмигранты из Германии. А теперь вода так подорожала, что никто не смывал ею больше собачью мочу и в радиусе пяти метров от писсуаров стояла непереносимая вонь. Хендрикусу, впрочем, это не мешало. А Брам наблюдал за тем, как тощий пес неуверенно движется к цели, с приличного расстояния. Хендрикус был глуховат, а шесть лет назад, после стычки с не вполне нормальным бовье¹, ослеп на один глаз. Ветеринар уверял,

¹ Порода собак среднего размера, распространенная во Фландрии. (Здесь и да-

что он входит в пятерку самых старых собак города, старейшим же был могучий двадцатилетний Джеффери, помесь лапландской лайки с бультерьером, чей возраст поражал еще и потому, что собаки такого размера умирают, как правило, раньше, чем небольшие дворняжки, вроде Хендрикуса.

Каждое утро Хендрикус совершал прогулку по одному и тому же маршруту, вдоль молчаливых памятников германскому прагматизму. Путь его лежал по пересекающимся под прямым углом улицам, огибавшим шесть жилых кварталов. Он сам разработал маршрут, на протяжении которого не пропускал ни одного фонарного столба или мусорного ящика, успевал обнюхать колеса всех автомобилей, все расположенные в стратегически важных точках кусты и не забывал обмениваться любезностями с несколькими знакомыми псами.

Браму казалось, что десять лет назад собак было намного больше. Тель-Авив нищал, и заводить собаку не пришло бы в голову никому, кроме горстки случайно застрявших здесь богачей, так что молодых псов было совсем мало. Встречавшиеся им немолодые собаки гавкали устало и безразлично, совсем как Хендрикус, а обожавшие их хозяева лелеяли стариков, словно собственных детей.

Они остановились на углу улицы, ведущей к морю. В конце ее, меж домами, на миг мелькнул силуэт армейского вертолета, бесшумно летевшего вдоль пляжа к югу, в сторону

Яффы, всего в нескольких метрах от земли. Двадцать таких новеньких вертолетов, производивших шуму не больше, чем крылья птиц, были получены в дар от Тайваня и назывались «крылатыми драконами». Ортодоксы потребовали переименовать их: дракон – нечистое чудовище, ибо упоминается в нееврейской мифологии. И народ пошел им навстречу: теперь все называли вертолеты «крылатыми курочками».

Зазвонил мобильник Брама – древняя штукавина безо всяких модных наворотов. На дисплее высветилось имя Икки.

Икки Пейсман и Брам были единственными сотрудниками бюро «Банк», занимавшегося розыском пропавших детей. Бюро помещалось в доме, принадлежавшем разорившемуся банку – отсюда и название. Икки, парень двадцати четырех лет, подходил для их работы идеально. Когда левую половину его тела уничтожил взрыв, ее заменил протез, начиненный электроникой, управлявшей искусственной рукой и ногой. Больницы Израиля, благодаря десятилетиям террора, вышли на первое место в мире по реконструированию любых органов и частей тела – кроме мозга, конечно.

Брам отозвался:

– Икки?

– Да. Брам! Есть надежда, что маленькая Сара жива.

В их списках было две Сары. Старшая, тринадцатилетняя, пропала всего три месяца назад. Младшая исчезла три года назад, когда ей было пять.

– Ты уверен?

– Почти. Это просто чудо, через столько-то лет.

Браму вдруг стало трудно дышать, словно его накрыли стеклянным колпаком. Хендрикус поднял голову, и Брам тоже поглядел вверх. Над крышами домов висело, разглядывая их, черное бесшумное насекомое – «крылатая курочка». За доли секунды специальная программа, сосканировав черты его лица, связалась через спутник с бункером в северной части города, где находился компьютер, и идентифицировала его, сверившись с содержимым банка данных. Пилоты прочли на экранах, смонтированных в шлемы, результат проверки, и машина, развернувшись, исчезла за домами. Только деревья взмахнули ветвями, да смерчем взвилась уличная пыль.

– Прекрасная новость, – сказал Брам в телефон, остро ощущая свою незначительность. – Информация от Самира?

– От его племянника. Назвался Джонни.

– Замечательное имя для араба. Что ты ему пообещал?

– Двадцать пять тысяч.

– Это много, Икки.

– Я тоже так считаю. Может, надо пригрозить ему, что не будем больше платить?

– Пригрозить? Ты где, собственно, живешь? В Швеции? Ты хотя бы знаешь этого Джонни?

– Пресса сводит меня с ума, – сказал Икки. – Я больше не читаю газет. Мне неинтересно читать о том, что мы должны

вести переговоры с палестинцами.

– Мы должны продолжать переговоры, потому что иначе им ничего не вдолбишь, – ответил Брам. – Ты знаешь этого Джонни?

– Нет. Но Самиру можно доверять. А Джонни послал ко мне именно он.

– Все они между собой в дальнем родстве.

– Да, одна большая fucking family². Что не мешает им при случае отрывать друг другу головы.

– Как раз этим они на нас похожи, – отозвался Брам.

– Только... есть небольшая проблема.

Брам кивнул, словно Икки мог его видеть. Крылатая Курочка исчезла, но Браму казалось, что за ним все еще следят.

– Проблема, – пробормотал он. – Ничего другого я и не ждал.

Икки помолчал и тихо сказал:

– Она на той стороне.

² ...ная семейка (англ.)

2

Икки вел свой спецавтомобиль вдоль набережной к югу. Чтобы не слишком утруждать «здоровую» половину тела, он купил старый британский «ровер» и водил его, используя механические протезы. Ясно, что лихая езда на автомобиле явно заменяла Икки все экстремальные виды спорта разом, иначе он давно купил бы себе «автомат». Брам сидел слева, там, где в нормальном автомобиле помещается шофер. Он никак не мог привыкнуть полагаться на мастерство Икки. Здесь, на набережной, ряды машин, идущих в разные стороны, разделяла резервная полоса, но на большинстве городских улиц встречные автомобили проносились почти вплотную от его дверцы – поразительно, что никто еще не снес им боковое зеркальце.

Делом Сары занимался Икки, Брам только просматривал ее досье – папку, полную фотографий, документов, компьютерных распечаток и дисков. Ни одно из дел, которыми Брам занимался лично, не сдвинулось с мертвой точки. А Икки обладал особым талантом. Некоторые рождаются способными математиками или музыкантами; у Икки оказались способности к розыску пропавших детей.

Они познакомились и стали работать вместе почти три года назад, после чудовищного землетрясения в Казахстане, признанного как раввинами, так и имамами (хотя и по раз-

ным причинам) заслуженной Карой Господней. С тех пор почти каждый месяц они кого-то находили. В этом месяце нашлись двое. Но в списке пропавших значилось триста семнадцать имен, а успех зависел от слухов, от случайных совпадений и от того, что Икки называл «ощущением незримого». И дети, которые находились, почти всегда были уже мертвы.

Они ехали «на ту сторону» – в Яффу. Евреев оттуда постепенно выжили, а оставшиеся в городе арабы стремились воссоединиться с остальной Палестиной. Армия Израиля (вернее, то, что от нее осталось) построила южнее бесспорно еврейского города Тель-Авива защитную стену из бетона, начиненную электроникой. Потому что в Яффе после двух лет затишья снова начались теракты-самоубийства. В этом году две арабские женщины взорвали себя в Старом городе у блокпостов, причем не погиб ни один еврей, только арабы. До того случая у всех проверяли отпечатки пальцев, но обе женщины, уже отсидевшие в израильских тюрьмах, поменяли рисунок папиллярных линий при помощи лазера. Теперь на блокпостах поставили ДНК-сканеры, соединенные с банками данных, в которых, ради восстановления оборванных диаспорой семейных связей, уже лет двадцать собиралась информация обо всех евреях мира. Теперь эта информация пригодилась для контроля.

Место на тель-авивском пляже, откуда пропала Сара, находилось в двух километрах к северу от Яффы. Икки рассказывал Брамму, что, по словам Батьи Лапински, ее мамы,

они взяли с собой воды и лимонаду, бутерброды, виноград. Зеленую брезентовую подстилку. Большой пляжный зонт на заостренной палке воткнули в теплый песок. Сара играла с цветными формочками, делала куличики: звезда, полумесяц, кубик. Пухленькая пятилетняя девочка, кудрявая блондинка с большими голубыми глазами, в красном купальнике, который был ей немного мал. Она махала рукой патрульным лодкам, мчавшимся сквозь волны в ста метрах от берега. Батя, лежа в тени под зонтом, читала последнюю книгу Давида Мановски, израильского писателя, живущего в Ванкувере и получившего за год до того Нобелевскую премию по литературе. Время от времени она подзывала дочь и пальцем счищала песчинки, скапливавшиеся в уголках ее губ. Наконец-то она могла спокойно послушать записанную на старенький iPod Девятую симфонию Дворжака. Она дала Саре бутерброд с колбасой и растянулась на подстилке. Потом прочла о сыне Мановски, погибшем в бою осенью 2006 года, и заплакала. Вытерла слезы тыльной стороной ладони, обернулась, чтобы посмотреть на дочь, но увидела только чужих детей, их было совсем немного. Она вскочила, оглядела пляж. Она искала Сару. Но вокруг были только чужие девочки.

Икки спросил:

– Когда ты был в Яффе в последний раз?

– Не помню. Давно. Лет семь назад или восемь. Что мне там делать?

– А я связываюсь со всеми, кто мне нужен, по телефону. Последний раз я был там десять лет назад, с родителями. Мы обедали в портовом кафе, покупали что-то в арабских магазинчиках. Свежие специи. Баранину. Фрукты. Теперь такого не бывает.

– Теперь нет, – согласился Брам. – Но если нам будет очень нужно, вполне можно зайти в магазин. Что, собственно, может с нами случиться?

– В худшем случае наши отрубленные головы насадят на колья забора, окружающего Яффу. – Икки мечтательно улыбнулся и добавил: – Что до твоей головы – мертвая она или живая, разница невелика.

– Благодарю за комплимент.

– Деньги не забыл?

Брам похлопал по одному из многочисленных карманов своих штанов-сафари. Икки завел на другой стороне сеть осведомителей, абсолютно надежных, потому что им хорошо платили. Конечно, палестинцы старались убить как можно больше евреев, но откуда взяться деньгам в их перенаселенной стране, где не было ни работы, ни будущего, ни автомобилей на альтернативном горючем? Самира Икки «прикармливал» с самого начала, он помог им закрыть дела на пятерых детей. С помощью Самира Икки удалось справиться даже со сложнейшим делом иерусалимских хасидов.

В прошлом году Брам и Икки прославились на всю страну, когда отыскивали одиннадцатилетнего мальчика, пропав-

шего восемь лет назад. Его успела усыновить бездетная пара хасидов из Иерусалима. А счастливчик Икки нашел его, следуя своей знаменитой интуиции. Поднялась жуткая шумиха, приведшая к дипломатическому скандалу между Израилем и Палестиной, с участием властей Большого Иерусалима и районов Старого города, населенных ультра-ортодоксами. В три дня Икки сделался – в пределах Тель-Авива – мировой знаменитостью. В результате родные папа и мама мальчика получили возможность регулярно видеться с сыном, которого любящие приемные родители превратили в глубоко верующего хасида. Ребенка они, как выяснил Икки, купили у еврейско-палестинской банды, занимавшейся кражами детей.

Благодаря этой истории о них и узнала мама Сары. Два долгих года она верила полицейским, ждала от них сообщений и, пытаясь заглушить поселившийся в ней ужас, принимала транквилизаторы, курила гашиш, пила водку. Потом – беспрерывно рыдала. Потом некоторое время жила как бы в вакууме, пока случайно не услышала по радио передачу про «Банк» – по крайней мере, так говорил Икки. Батя отдала ему полицейские отчеты, фотографии пляжа и записи того, что она узнала от ясновидящих. Целый год провели они в поисках, но не нашли никаких следов, и вот теперь, как всегда случайно, получили намек, чуть-чуть приближавший их к цели.

– Двадцать пять? – спросил Икки.

– Тридцать штук.

– Вот для чего они крадут детей. Я в этом уверен. Носом чую.

Новая граница лежала в восьми километрах к югу от Яффы, но, чтобы предупредить проникновение нелегалов, армия поставила еще один блокпост – с северной стороны города. Икки вел машину вперед, глядя на бетонную стену в ста метрах от них и на неширокий въезд, ведущий к шлюзу – начиненному электроникой туннелю, напоминающему автоматическую мойку для машин. Подводишь автомобиль к въезду, шлюз втягивает ее внутрь и продвигает сперва вперед, потом назад. Только вместо щеток и воды ее ощупывают лазеры, сканирующие машину и всех, кто в ней находится, в поисках малейших следов взрывчатки.

Желающих посетить Яффу было немного, в очереди у шлюза стояло всего два автомобиля.

– Мне кажется, там что-то не в порядке, – сказал Икки.

– Что ты имеешь в виду?

– Только то, что сказал, – по-моему, там что-то не так.

– Где?

– Там, – сказал Икки. – Я не знаю что. Просто – там что-то должно случиться.

У блокпоста все было как обычно. Солдаты в бронежилетах, два автомобиля, бетонная стена с натянутой поверху колючей проволокой, светящийся туннель шлюза, а за ним – ярко-голубое небо над крышами Яффы. Защитная стена тянулась до берега моря и уходила в воду.

– Икки, – напомнил Брам, – нас ждут. Новости насчет Сары, ты не забыл?

– Ну и язва же ты, – заметил Икки, не глядя на него.

– Да объясни же наконец. Что ты чувствуешь?

– Не знаю. Беспокойство. «Шестое чувство».

– И что ты им чувствуешь?

– Что-то. Не знаю что.

– Там, у контрольного пункта?

– Да.

– А поконкретнее?

– Да не знаю я! – выкрикнул Икки. Он беспомощно поглядел на Брама и вздохнул. – Извини. Я и сам не понимаю, что со мной.

– А что случится, если ты об этом никому не скажешь?

– Не знаю.

– Ты это когда-нибудь проверял?

– Что ты имеешь в виду?

– Это твое «шестое чувство» – ты с кем-нибудь о нем говорил?

– Ты хочешь сказать, с психоаналитиком?

– Например.

– Это еще зачем?

– Потому что оно мешает тебе.

– Ничего мне не мешает.

– Ах, не мешает? Ты считаешь, это украшает жизнь?

– Да.

– У нас назначена встреча, – напомнил Брам.

– Знаю.

– Ну?

Икки, продолжая смотреть на стену, медленно кивнул, словно собираясь с силами:

– О'кей.

– Отлично, – сказал Брам.

И Икки подвел автомобиль к въезду в туннель – как раз подошла их очередь.

Из-за постоянных призывов мировой прессы к «равенству перед законом», проезжавших контролировали на обеих сторонах блокпостов, хотя с момента последней акции евреев-террористов, взрывавших бомбы в арабских деревнях Израиля, прошло одиннадцать лет. Эти взрывы послужили поводом для отделения арабских деревень в Галилее. Теперь и арабы Яффы пожелали присоединиться к «своим». Страна, населенная евреями, сжалась до окрестностей Большого Тель-Авива.

Один из солдат у стены сделал им знак остановиться. Словно это было необходимо. Словно если тебя не остановить, ты взорвешься.

Это оказался Хаим Плоцке, толстый, румяный, рыжий еврей. Когда Брам преподавал в местном университете, Плоцке был его студентом; сейчас он проходил очередную трехмесячную службу. Брам опустил стекло.

Плоцке сразу узнал его:

– Профессор Маннхайм?

– Привет, Хаим.

В прошлом году Брам встретил его в больнице, доставив очередного пациента в приемный покой. Плоцке ожидал результатов обследования, которое проходил его сын: мальчик упал, играя в футбол, и подвернул ногу. Брам вспомнил, как сказал ему тогда: «Пока мальчишки играют в футбол, у нас остается надежда».

Плоцке наклонился к нему:

– У вас все хорошо, профессор?

– Да. А у тебя? Как поживает футболист?

– Лонни у нас – настоящий талант. Он сейчас в Польше, проходит проверку. Они присылали специального человека, чтобы отвез его туда.

В 2022 году варшавская команда «Легиа»³ выиграла Кубок Европы. Поляки отпраздновали эту победу со спокойной гордостью, как новое подтверждение своего статуса ведущей, богатейшей нации Европы.

Брам сказал:

– Ты должен заключить с ними самый выгодный контракт.

– Лонни пробудет там три недели. Он у нас молодец. – Хаим оглядел машину и добавил: – А вы все ищете приключений?

– Разве в Яффу ездят только за этим?

³ Команда существует и принадлежит Центральному спортивному клубу Войска Польского.

– Понятия не имею, – ответил Плоцке.

Тогда, в больнице, он рассказал, что после отъезда Брама в Принстон прекратил изучение истории и занялся разработкой компьютерных программ.

Плоцке повернулся к Икки:

– А вы?

– А я ищу приключений.

– Мы ищем пропавшего ребенка и, кажется, напали на след, – вмешался Брам.

Плоцке знал об их работе. Он спрашивал, чем занимается Брам, когда они виделись в последний раз.

– А они знают, что вы приедете? – спросил он, имея в виду полицию Яффы. При малом количестве населения, сотнях видеокамер и мобильных постов биохимического контроля полиция могла без труда контролировать город.

– Нет, мы им не звонили.

– Может быть, мне позвонить? Я передам им ваши приметы, да и британский «ровер» трудно не заметить. Или его привезли из Австралии?

– Из Австралии, – кивнул Икки.

– Если нетрудно, позвони, – сказал Брам.

Плоцке подал каждому из них по клочку ваты, завернутому в целлофан.

– Вам этого никогда не делали?

– Я читал об этом, – ответил Брам.

– Проведете ваткой во рту, потом сунете ее в ящичек скан-

нера, – сказал Плоцке и обратился к Икки: – Теперь заезжайте в туннель. Вы должны оставаться в машине. Откройте «ветрячки» и подчиняйтесь командам. Да, выключите, пожалуйста, мотор.

Плоцке отступил в сторону, давая им дорогу.

Икки подвел «ровер» к въезду в туннель, не отрывая взгляда от мигающей красной лампочки. Как только она загорелась ровным светом, он поставил машину на ручной тормоз и выключил двигатель. Система пришла в движение и подхватила автомобиль. Стены туннеля были нашпигованы сенсорами, которые видели, обоняли, сравнивали, могли заглянуть даже внутрь желудка и узнать, хорошо ли переварился там сегодняшней завтрак.

Они вытащили клочки ваты из целлофана и проделали то, что велел им Плоцке.

Разглядывая мокрый комок ваты, Брам спросил:

– А что теперь?

– Эту штуку надо будет засунуть в такую хреновину, – сказал Икки.

– Ну спасибо, объяснил. Как ты себя чувствуешь?

Икки пожал плечами:

– Такой же шлюз поставили на въезде в Хайфу. И на полпути в Иерусалим. Они сейчас видят нас насквозь. Представляешь, как им интересно разглядывать меня!

– Я спрашиваю, как поживают твои предчувствия?

– Спасибо, хорошо.

– Чего ты, собственно, испугался?

– Почему ты используешь прошедшее время?

Они медленно двигались вперед.

Икки сказал:

– Я прочел еще кое-что про ДНК, касательно древнего вопроса, кто такие на самом деле евреи. В ДНК из поколения в поколение остается неизменной только мужская Y-хромосома. Которая передается от отца к сыну. А раввины устанавливают еврейство по материнской линии, так что их идеи – это вчерашний день. Еврейка, которая рождает дочь от гоя, получает девочку с одной еврейской и одной гойской X-хромосомой, от отца-гоя. Если теперь ее дочь родит девочку от гоя, эта девочка может получить уже две гойские X-хромосомы, но все равно в глазах раввината останется еврейкой, хотя физически в ней ничего еврейского не осталось. Понимаешь?

– Почти. Ну и что?

– То, что мы узнали о ДНК, позволяет понять, какой бардак царит в раввинских правилах.

– Я пошлю мэйл в Главный раввинат, – предложил Брам, – чтобы, начиная с сегодняшнего дня, евреями считались только те, у кого отец еврей.

Их дискуссию прервал голос Плоцке:

– Ватки в сканнер, пожалуйста.

По обе стороны от автомобиля выдвинулись стальные ящички, и голос Плоцке повторил:

– Ватки в сканнер, пожалуйста.

Они сунули ватки в ящички, немедленно скрывшиеся в стене – прошло десять секунд, и их принадлежность к еврейству была доказана.

Брам повернулся к Икки:

– Ты хочешь сказать, что сейчас ехать в Яффу неразумно?

– Нет. Но мне кажется, здесь что-то не совсем в порядке.

– Здесь?

– Да.

– Ты куда-то не можешь ехать?

– Никуда.

Но результаты проверки уже появились на экране перед Плоцке, его голос прозвучал у них над головой:

– Проезжайте, профессор.

– Мы сразу вернемся, – ответил Брам, – спасибо.

– До скорого, – откликнулся Плоцке.

Икки завел мотор, автомобиль выехал за ворота и, лавируя между бетонными блоками, выбрался на дорогу, ведущую к окраинам Яффы.

3

В прошлой жизни Брам с Рахель беззаботно бродили по переулкам Яффы. Малыш был надежно упакован в специальный рюкзачок, висевший у Брама на груди. Арабов в ту пору почти невозможно было отличить от израильтян, их женщины носили юбки и не закрывали лиц. Именно тогда приводили в порядок старые дома, повсюду появлялись кафе с террасками, пассажи и рестораны, туристы фотографировали белые камни, с которых только что смыли пыль веков; древняя крепость казалась юной – не старше ребенка, спавшего у него на груди.

Теперь дамы Яффы носят паранджу, а мужчины отрастили бороды и нарядились в долгополые джеллабы и шлепанцы.

Старый город Яффы невелик, однако они потратили на поиски нужного адреса целых двадцать минут. Наконец, свернув в узкую улочку, застроенную высокими домами с покосившимися балкончиками и облезлыми оконными рамами, Икки остановил автомобиль перед дверями кафе.

Они вошли.

Зеленоватый свет падал на деревянные столы и кюфии десятка арабов. Пол был выложен грязно-желтой плиткой; вентилятор, подвешенный к потолку, взбалтывал тремя широ-

кими лопастями тяжелый, провонявший табаком, дымный воздух. Никто даже не взглянул на них, словно появление евреев здесь – дело обычное. Один из арабов сидел в одиночестве перед чашкой чаю, облокотясь на стол и зажав в пальцах сигарету. Как и остальные, он не сводил глаз с экрана, висевшего над дверью. На экране шел матч чемпионата США по баскетболу. Черные гиганты, пританцовывая, перебрасывались мячом. Икки обернулся к Брамму, словно тот мог ему помочь. Но чем мог помочь Брам, если встречу назначал Икки? Икки, подумав, подошел к одинокому арабу и нахально уселся за его стол. Араб принял это как должное, кивнул, окинул Брамму быстрым, подозрительным взглядом и снова уставился на экран.

Икки говорил Брамму, что они специально условились о встрече на людях: араб не мог поверить, что они явятся безоружными. Полный бред, если кто-то просит о встрече на людях, значит, ему комфортнее быть среди своих. В кафе любой мог прийти на помощь арабу. Брам взял стоявший поблизости стул и сел рядом с Икки.

Араб ткнул сигарету в переполненную пепельницу. Голову его покрывала куфия, как у всех, но лицо было чисто выбрито. И никаких следов пота на щеках. На правой руке красовался «ролекс», без сомнения – поддельный. Прикидывается, что баскетбол интересует его больше, чем деньги Брамма. Сплошная показуха. Ничего, кроме денег, ему не надо.

– Джонни – это ты? – спросил Икки.

Араб покосился на него и кивнул. Ум и ирония светились в его глазах.

– Джонни, да. А тебя зовут Шон?

– Шон, – согласился Икки.

– Чудесное ирландское католическое имя, – вздохнул Джонни.

– Меня назвали в честь американского актера, – пояснил Икки. – Шон Пенн.

– Знаю такого, у него отец был еврей.

– Прекрасный актер, – заметил Икки, пораженный широтой познаний собеседника. Мрачное выражение наконец исчезло с его лица.

– Но глуп, как пробка, – оживился Джонни. – Нечего было ему лезть в Сенат.

Икки посмотрел на него весело и спросил:

– А тебя в честь кого назвали?

– В честь Тарзана. Джонни Вайсмюллера.

Икки радостно хихикнул. Абсурдность Джонни ему нравилась.

– Вайсмюллер был прекрасным пловцом. Но плохим актером, хотя и безумно популярным. Родители его – эмигранты из Венгрии.

Продолжая следить за игрой, Джонни заметил:

– Говорят, его мать была еврейкой. И я считаю его хорошим актером.

– Этого я не знал, – удивленно промолвил Икки и поко-

сился на Брама. Он явно находил разговор забавным: чего угодно можно было ожидать, но встретить поклонника Тарзана в Яффе...

Джонни кивнул, удовлетворенный ответом. Не отрывая глаз от экрана, он сказал:

– Ты многого не знаешь из того, что знаю я. В тысяча девятьсот двадцать четвертом году, сто лет назад, Вайсмюллер выиграл золотую медаль во время Олимпиады в Париже, на дистанции сто метров вольным стилем. Ровно пятьдесят девять секунд. Сейчас рекорд сорок одна и восемнадцать сотых. Но в его время это был сенсационный результат. Фантастическая жизнь. А умер совсем один, в Мексике. В Акапулько. Дом сохранился, они называют его Casa de Tarzan, принадлежит какому-то отелю, его можно снять. Круглый дом, розовый, я видел фотографии. Был женат пять раз, это его и доконало. Все деньги на этих сук спустил. Но фильмы о Тарзана перестали снимать, а в другие его почти никогда не приглашали. Одно время он, чтобы заработать, нанимался в казино в Лас-Вегасе – встречал в дверях гостей. Представляешь? Великий Вайсмюллер в вестибюле казино! Я так никогда и не узнал, какое казино это было: «Фламинго» или «Дворец Цезаря». Умер в бедности, и все-таки его не забыли. Похоронен в Акапулько. На его могиле можно послушать знаменитый «зов джунглей». Смотри-ка, хороший бросок.

Брам повернулся к экрану и увидел замедленный повтор броска. Игрок взлетел к кольцу и обеими руками опустил в

него мяч. Мужчины в кафе заплодировали.

Джонни пояснил:

– Измаил Хамдар. Его родители уехали из Хеврона в двухтысячном году. Родился в Хьюстоне. Два метра пять. Я поставил на него три сотни.

Он подозвал человека, разливавшего у соседнего стола черный, как деготь, кофе, высоко поднимая серебристую джезву и элегантно наклоняя ее над чашечками, и спросил по-арабски еще два стакана чаю.

– Если Хамдар заработает тридцать очков, я получу вдвое больше.

– Тридцать – это много, – заметил Икки.

– В последних десяти играх он набирал в среднем по тридцать шесть очков, – парировал Джонни.

– Сколько тебе еще осталось?

– Двадцать два.

– Много.

– Хамдар сейчас в наилучшей форме. Ему надо только чуть-чуть разогреться.

Джонни вытянул из мятой пачки сплюсненную сигарету, прикурил от древнего «ронсона» и сказал:

– Когда-нибудь я посмотрю его игру вживую.

– В Хьюстоне?

– В «Хьюстонских ракетах»⁴. В зале «Тойота».

– Тогда и я с тобой поеду, – сказал Икки.

⁴ Знаменитая американская баскетбольная команда.

Джонни повернулся к Брам:

– А ты?

– Что – я?

– Ты с нами поедешь?

– Конечно, поеду.

– Втроем, значит, – с удовольствием заключил Джонни.

Брам подумал, что пора заканчивать ритуальные пляски:

– А чем-нибудь другим мы не можем втроем заняться?

– Мы можем посмотреть на лос-анджелесских «Клип-перов», – кивнул Джонни, освобождая место на столе для бывшего тем временем чая. – И конечно, на Casa de Tarzan.

Икки обхватил ладонями стакан, словно хотел согреть руки; на самом деле ему стало неловко из-за вмешательства Брама. В кафе было не меньше тридцати градусов. А вентилятор лишь равномерно разгонял дым по всему помещению.

– Брам имел в виду девочку, – проговорил Икки.

Джонни поднял глаза:

– Брам – это ты?

– Да. Брам. Авраам. Ибрагим.

Икки смотрел на него выжидательно, хотел, чтобы как можно скорее стало ясно: он – подчиненный Брама.

– Я хочу перейти к делу, – сказал Брам.

Джонни скрылся за дымовой завесой.

– Конечно, перейдем к делу, хоть сейчас.

– Мы должны сперва разобраться, что каждый из нас имеет в виду.

- Вне всякого сомнения, – равнодушно ответил Джонни.
- Я пока не видел подтверждений.
- У меня они есть.
- Можно посмотреть?

Джонни пошарил под столом и достал кожаную папку. Он открыл замочек, вытащил конверт и протянул Брамму:

- Только здесь не открывайте. После посмотрите.
- Но я должен получить подтверждение сейчас.
- Не теперь. Я не хочу, чтобы другие видели.

Икки шепнул:

- Самир сказал, что ты все знаешь.
- Самир ведет себя, как глупая баба. Он ничего не знает.
- Мы перейдем наконец к делу или нет? – спросил Брам.

Он понимал, что давить на араба неразумно, но не мог справиться с накатившей злобой. В конце концов, они не подержанную машину приехали покупать.

- Мне не нравится вести дела, – холодно отрезал Джонни, – если мы заранее не договорились, в чем они состоят.
- Девочка, – сказал Брам, – Сара Лапински. Пропала три года назад.

Брам вытащил из кармашка рубахи сложенный листок бумаги и положил на стол. Это была копия цветной фотографии. Брам вспотел, и бумага стала чуть влажной. Джонни даже не притронулся к ней.

Брам сказал:

- Посмотрите. Это компьютерная обработка старой фото-

графии: так Сара должна выглядеть теперь, ей через три месяца исполняется восемь лет. Три года назад она исчезла с пляжа. Ее искали, прощупали морское дно в окрестностях, сделали объявление по телевидению. Ее видели в Герцлии, в Рамалле, даже в Норвегии, в Осло. Какие-то психи задерживались на работе, чтобы послать мэйл, что видели ее во сне и абсолютно уверены, что ее продали в гарем, в Эр-Рияд или Исламабад. Или что она пасет овец на ферме в Новой Зеландии. Пришло время вернуть ее домой. Мы привезли деньги. Так что мы готовы перейти к делу, если ты сможешь нам ее найти. Мы больше не будем задавать вопросов. Мы хотим одного: вернуть ее домой.

Мужчины позади Брама заплодировали. Джонни поглядел на экран:

– Осталось двадцать очков.

– Слушай, Джонни, речь идет о девочке. – Голос Брама звенел от злости. – Ты можешь понять, что есть люди, которые ее очень любят? Или у тебя мозги усохли и в голове осталась только ненависть к жидам и восторг перед великими талантами арабских торговцев? Так мы как раз и приехали кое-что купить.

– Думаешь, ты чего-то добьешься, если будешь меня оскорблять? Одно неверное движение, и мы с удовольствием отрежем тебе голову. Фильтруй базар.

– Ты блефуешь, – отозвался Брам, понимая, что отступить нельзя. – Тебе нечего нам дать. И ты ни хрена не знаешь о

девочке.

– Я деловой человек, – ответил Джонни. – Я знаю, когда могу добыть просимое, а когда нет.

– Просимое – Сара.

– Вы меня не поняли. Сары больше нет.

Икки облизал губы и испуганно поглядел на Брама.

– Ты, значит, вызвал нас сюда, ничего не собираясь нам дать? – спросил Брам агрессивно.

Джонни равнодушно пожал плечами:

– Самир – он у нас мечтатель.

– Пошли отсюда. – Брам поднялся со стула, но Икки схватил его за руку.

– Я много лет знаю Самира. Он сказал, нам надо поговорить с тобой.

– Не понимаю, чего я тут с вами разговариваю, – отозвался Джонни. – Ну ладно, Самир собирался сообщить вам нечто особенное. Поэтому я вас и позвал.

– Что? – Брам сел.

– Что она умерла.

– Умерла? – повторил Икки, вцепляясь титановыми пальцами в руку Брама.

– Что девочка умерла полгода назад.

– А Самир знал об этом? – спросил Брам.

– Нет.

Икки лихорадочно подыскивал слова, но так ничего и не сказал.

– Умерла от чего? – спросил Брам.

Внимательно рассматривая тлеющий кончик своей сигареты, Джонни сказал:

– Насколько мне известно, она заболела семь или восемь месяцев назад. И через несколько недель скончалась. – Он снова поглядел на экран. – Я хочу сказать, нам не о чем говорить, раз она умерла. Этого не должно было случиться, но это случилось. И ее не бросили, как собаку, в яму. Ее похоронили, как положено.

– И кадиш прочли? – пробормотал Икки.

Джонни покачал головой:

– Ты на какой звезде живешь? Конечно, нет.

– Она была еврейкой, – произнес Икки непреклонно.

Джонни затушил сигарету и тут же достал новую. «Ронсон» в его руке выплюнул язычок пламени. Он старался вести себя, как крутой парень, но видно было, как тяжело ему сообщать такие новости.

Брам спросил:

– Ты можешь назвать имена?

Джонни поглядел на него с жалостью:

– Ты это серьезно?

– Где она похоронена? – спросил Икки.

– В освященной земле. Она теперь, должно быть, в раю, иншалла, – он снова поглядел на экран. – Осталось восемнадцать очков. Грандиозный парень. – И повернулся к Икки: – Мне очень жаль. Могу себе представить, что вы чувствуете.

Такая, excusez le mot⁵, херня вышла...

⁵ Извините за выражение (фр.)

Икки молча выводил автомобиль из лабиринта ☺переулков. Брам тоже молчал. Икки не довел расследование до конца, окажись Джонни мошенником – им пришлось бы заплатить деньги за умершую девочку. Стояла жуткая жара, а кондиционер в «ровере» сломался. Брам открыл со своей стороны окно, и это беспокоило Икки. Дурные предчувствия не оставляли его. Презрительно сжав губы, он нервно вел автомобиль по улочкам арабского города.

Брам заглянул в конверт, полученный от Джонни. Там оказалась фотография Сары, она лежала на спине, сложив руки, словно спала; белое платье, розы и гиацинты на груди, глаза закрыты – снимок, сделанный на смертном одре. Брам убрал фотографию в конверт. Может, потом у него достанет сил снова посмотреть на нее.

Теперь можно закрывать дело.

В первые недели родители, обратившиеся к ним за помощью, звонят по десять раз на день, посылают эсэмэски, мэйлы, пытаются принимать участие в розысках, надеясь заглушить боль потери, и от этого неизбежно возникают личные связи. Делом Сары Лапински занимался Икки. Если бы им удалось выкупить девочку, Икки сам позвонил бы ее матери. Плохие новости сообщал Брам. Обязанность сообщать о катастрофах лежала на нем, как на старшем из партнеров. Два-

дцать восемь раз приходилось ему делать это. В армии служили офицеры, которым приходилось десятки раз посещать семьи погибших. Приказ командира – у них не было выбора. У Брама выбор был. В шести случаях им удавалось отправить на поиски могил полицию, но, хотя именно полицейский звонил в двери и сообщал родственникам грустную новость, Брам приходилось при этом присутствовать. Он никогда не видел Батьи Лапински, а теперь именно он должен сообщить ей о смерти дочери – если, конечно, Джонни не соврал. Убедительно ли выглядит фотография? В этом Брам не был уверен.

Он сидел на своем месте, глядя вперед. Икки упрямо молчал. И вдруг отчаянно заорал:

- Да, я знаю, я совершил ошибку! Ну, извини!
- Твой приятель Самир надул тебя.
- С этим asshole⁶ я еще разберусь. Мы не можем вернуться другой дорогой?
- Нет.
- К блокпосту ведет только одна дорога?
- Да.
- Shi-i-it⁷, – протяжно выдохнул Икки.
- Предчувствия?
- Опять твой сраный сарказм.

Они миновали рынок неподалеку от блокпоста. Женщи-

⁶ Задница (амер.)

⁷ Дерьмо (англ.)

ны, закутанные в паранджу. Мужчины в нелепо-просторных женских платьях.

– Ее мать, – сказал Икки, – придется рассказать ей.

– Я знаю.

– Я сам расскажу, – пробормотал Икки. – Я виноват.

– В чем?

– Я дал ей надежду.

– Ты что-то рассказал ей?

– Почти ничего.

– Почти ничего – это слишком много.

– Ты уверен, что нет другой дороги? – спросил Икки, снижая скорость.

– Господи, Икки, заткнись, псих несчастный, – не выдержал Брам. – Езжай куда едешь!

Икки осуждающе покачал головой, но прибавил газу.

Старый город остался позади, они подъезжали блокпосту. Стена, электросенсоры, камеры и переходной шлюз – выходит, евреи фактически смирились с тем, что Яффа больше им не принадлежит. В городе они не встретили ни одного еврейского солдата. Армия следила за порядком с воздуха, а стены, крыши, дороги были нашпигованы электроникой; иногда аппаратуру скрывали даже под многослойными одеждами женщин. Слишком опасно было посылать туда патрули.

Время – час дня. Скоро улицы Яффы опустеют: жители разойдутся по домам в поисках прохлады.

Икки выпрямился и вцепился в руль, словно это могло его

успокоить.

– У блокпоста никого нет, – сказал Брам. – Никого, кто мог бы нанести нам вред. Что там может случиться?

– Маскарад, – ответил Икки, – маскарад, несущий страдания.

– Ты именно это чувствуешь?

– Да.

– А с Самиром у тебя предчувствий не было?

– Все время ныл.

– Это благодаря Самиру ты сейчас наложил в штаны от страха. Если б не его ложь, тебе не пришлось бы сюда ехать.

– Может, он и сам не знал.

– Кажется, ты только что собирался с ним разобраться?

– Какая Самиру выгода от того, что он послал нас к Джонни?

– А пачечка банкнот, которую мы захватили с собой? Самир и представить себе не мог, что Тарзан окажется таким честным. Только подумай, Икки, кого мы встретили: честного араба, которого звать Тарзаном. Помешанного на баскетболе.

– Самир посмеялся бы вместе с нами.

– Кстати, о баскетболе. Сколько времени сейчас в Хьюстоне?

Икки пожал плечами:

– Семь часов разницы?

– Восемь. Там сейчас раннее утро. Или передача идет в

записи.

– Ну и что?

– Он сказал, что поставил деньги. Но это старая запись.

Он наврал нам.

– Ну и что? – повторил Икки.

– Зачем это ему? Зачем ему надо было показать нам, что он игрок?

– Я знаю одно: ты – самый большой параноик из всех, с кем я знаком. Когда ты собираешься поговорить с матерью Сары?

– Прямо сейчас... нет, сейчас мне надо на работу. Завтра. Я схожу к ней завтра.

– Раньше ты так не говорил, раньше ты говорил, что родители должны сразу...

– Так то раньше. А теперь будет по-другому. Я пойду завтра, о'кей?

Икки ударил по тормозам, и машина резко встала. Это, без сомнения, должно было привлечь внимание солдат. Три сотни противотанковых ракет взяли их на прицел.

– Я так не могу, – сказал Икки.

Брам, потеряв терпение, заорал:

– Черт побери, провидец хренов! Хватит выдрючиваться!

Вылезай, я поведу!

Икки кивнул. Они вылезли и обменялись местами. Мобильник Брама бибикнул. Он торопливо выхватил трубку из кармана, взглянул на экран: «номер не определен». Брам на-

жал кнопку «громкой связи».

– Профессор?

– Хаим?

– Профессор, что с вашим автомобилем?

– Все в порядке, просто мне захотелось попробовать...

Никогда не водил машин с правым рулем.

– Не самое лучшее место вы выбрали, профессор.

– Больше никогда не будем так делать, Хаим.

– Я проведу вас через шлюз побыстрее.

– Спасибо. Откуда у тебя мой номер?

– Чему ж тут удивляться, если в моем компе записано, в котором часу сегодня утром пописал ваш пес. В каком, собственно, времени вы живете, профессор?

С некоторых пор Брам плохо ориентировался во времени. Который сейчас год? И как далеко продвинулись наука, техника, нравственные нормы? Одно он знал точно: время твердой веры в завтрашний день, который станет чудесным продолжением сегодняшнего, продолжением успехов, честолюбивых надежд, сознательной ответственности и любви – давно прошло и не вернется.

– В давно прошедшем, Хаим, – ответил он.

Часть первая

1

Тель-Авив

Двадцатью годами раньше

Апрель, 2004

Большинство историков мира попадали бы в обморок от счастья, получи они предложение, которое Брам не решался принять. Пока еще никто из их круга (кроме, конечно, Рахели), не знал о нем. И если Брам примет его, то станет в глазах друзей дерьмом и ничтожеством. Отъезд из Израиля всегда считался не вполне приличным деянием; уехавший надолго, укрывшийся в одной из западных стран не вызывал к себе иного чувства, кроме общенационального презрения. Впрочем, в презрении присутствовала изрядная доля зависти. Кому не хотелось убраться подальше от этого сумасшедшего дома? Кому свободно дышалось в вонючей атмосфере скандалов, сотрясавших страну? С одной стороны, всякому хотелось уехать, с другой – никто не желал ни отказываться от участия в невероятном эксперименте, затеянном Израилем, ни способствовать его провалу.

Это была его страна, его песок и камни; наверное, суще-

ствовали на земле и другие города, где можно бродить среди ночи у моря, под старыми пальмами, наслаждаясь теплым ветром, но Брам врос в эту землю: здесь он нашел жену, здесь родился их сын, здесь написана работа, сделавшая ему имя в научных кругах, здесь он стал профессором.

Сперва Брам пытался поймать такси у перекрестка улиц, застроенных близко поставленными невысокими домами. Сразу видно, что находишься в сердце старого Тель-Авива: фонарей совсем мало. Можно, конечно, вызвать машину по мобильнику, но разве плохо прогуляться теплым вечером? И он пошел пешком к более оживленному месту – улице Бограшова⁸. Набросив пиджак на плечо, Брам придерживал его, сунув в петельку вешалки указательный палец; на другом плече висел объемистый коричневый портфель.

Сегодняшнее собрание затянулось. Два часа назад мобильник требовательно пискнул, на экране высветился американский номер, и ему пришлось, извинившись, выйти из аудитории, где они торчали с восьми вечера. В пустом коридоре, под холодным светом люминесцентных ламп, Брам нажал на кнопку и услышал в трубке голос Фредерика Йохансона, шефа департамента истории Принстонского университета.

Они знали друг друга по конгрессам и специальным журналам. Йохансон – потомок шведских пиратов, похожий на

⁸ Улица в старой части Тель-Авива, ведет к пляжу с тем же названием.

неандертальца гигант с грубыми руками и крупным лицом (всегда кирпично-красным: то ли от алкоголя, то ли от повышенного давления, то ли по причинам генетическим), роскошной копной светлых волос и белесыми, как у альбиноса, ресницами уже звонил днем, но Брам как раз читал лекцию и отключил телефон. Потом он пытался перезвонить, но Йохансона не оказалось на месте. Теперь, в одиннадцать вечера они, наконец, соединились. Семь часов разницы с Америкой, где вечер еще и не начинался.

Три недели назад Йохансон уже звонил ему. Один из историков его департамента собрался на пенсию. И если Брам прямо сейчас пришлет документы, Йохансон гарантирует ему получение профессорской должности. Брам попросил дать ему время подумать.

Лекции кончились в шесть с четвертью, и Брам в своем университетском кабинете занялся подготовкой к завтрашнему дню и к вечернему собранию «мирной инициативы». Во время ланча в студенческой столовой – вокруг разворачивалось высококлассное дефиле-шоу, которое давали прелестные студентки, демонстрируя сверкающие плечи, ниспадающие водопадом локоны и коротенькие, спущенные на бедра юбчонки, обнажающие животики и изумительные ноги, – он обсудил идею Йохансона с женой. Рахель сказала, что не может решать за него, это его работа, ему и решать – ехать или оставаться. Она будет довольна в любом случае. Но Брама продолжали мучить неясные сомнения. И тогда она

сказала:

– Тебе ведь на самом деле хочется поехать. Соглашайся. Это большая честь. Такой шанс нельзя упускать. И Бену там будет хорошо.

– А тебе? – спросил он, заранее зная ответ.

– Мне хорошо там, где хорошо тебе.

Итак, Йохансон позвонил сразу после одиннадцати. Писк мобильного прервал монолог Ицхака Балина, который, проведя несколько часов в жаркой, душной комнате, несколько не вспотел и даже не ослабил узел своего – как всегда экстравагантного – галстука. Поверх стильных узеньких очков он возмущенно воззрился на Брама, извлекающего из кармана телефон. Балин был невысоким человечком лет пятидесяти, беспрерывно, со страдальческим выражением лица долдонившим о честности и преданности. Пацифизм был истинной его профессией, и Балин занимался им с упоением.

Брам двинулся к выходу и, пробормотав «извините», прикрыл за собой дверь. Будущее Ближнего Востока он оставил на попечение семи мужчин и двух дам: все, кроме Балина, в рубашках и блузках с закатанными рукавами; на их восторженных лицах не было места ни отчаянию, ни унынию. Битых три часа они пытались, поглощая тепловатую воду и горький кофе, избавиться от мерзкого привкуса печенья, изготовленного матушкой Балина, Сарой Липман. Печенье обязаны были есть все – из солидарности. Салидарность в их кругу ценилась весьма высоко.

Из обшитого дубовыми панелями кабинета в далеком Принстоне, где зима демонстративно не желала отступить, Йохансон спросил:

– Ну, ты решил?

И Брам, стоя посреди пустого коридора, ответил:

– Да.

– Я не слишком поздно позвонил? Может быть, перезвонить завтра?

– Нет-нет, мы вполне можем говорить, – уверил его Брам и покосился на дверь, боясь, что его услышат.

– Ты принял какое-то решение?

– Принял.

Йохансон замолк, и Брам мысленно взмолился, чтобы Йохансон понял его правильно. Понял, что значит для него солидарность с Ицхаком, с Сарой и Ури, и со всеми остальными, даже, может быть, со всей страной, которую он предаст, если согласится сейчас на это заманчивое предложение. Уехать хотелось страшно. Восемнадцати лет он перебрался в Израиль из Голландии, потому что решил поступить в Тель-Авивский университет, чтобы жить поблизости от отца, – и остался. Принял израильское гражданство, служил в армии и участвовал в боях, а в Наблусе, вместе со своими солдатами, даже убил террориста. Прошло пятнадцать лет, и ему захотелось уехать. Но отъезд означал предательство. Правда, Брам собирался каждый год возвращаться, чтобы пройти сборы резервистов, но здесь речь шла о това-

рищах по оружию. Людях, готовых отдать за него жизнь, людях, ради спасения которых он пожертвовал бы собой. Они ни в коем случае не являлись причиной его отъезда. Как устал он от высоких слов и серьезных вопросов, как хотелось ему никогда больше не думать: «Они отдали за меня свою жизнь». Он мечтал стать скучным профессором в скучном городишке, чтобы слова «право на существование» потеряли зловещую реальность и вновь стали исторической абстракцией. В свои тридцать три года он вдруг почувствовал, что устал. Не из-за Бена, который все еще просил есть по ночам, – Рахель кормила его грудью, – но из-за заседаний, на которых, вот уже три года, ему приходилось присутствовать. Берлинские соглашения⁹, принятые при активном участии Балина, ни к чему не привели. Но они продолжали планировать всенародное обсуждение Соглашений, хотя, кажется, сам Балин пытался устраниваться и сохранить status quo.

Так же как некоторые другие члены группы, предложившей «Соглашения», Балин рекрутировал участников по всему миру и добился европейских субсидий. Подавляя гнев и ощущение безнадежности, он сражался с палестинцами за каждую запятую. «Речь идет о подготовке документов, которые должны продемонстрировать возможность истори-

⁹ Автор пародирует «Женевскую инициативу», предложенную 1 декабря 2003 года Йоси Бейлином и Ясиром Абд Раббо и включавшую в себя отказ Израиля от 96 % всех контролируемых в результате войны 1967 года территорий и от половины Иерусалима, плюс «возвращение» некоторой части палестинских «беженцев» на территорию собственно Израиля.

ческих компромиссов», – неустанно повторял Балин своим собеседникам. Предполагалось, что они должны работать, словно получили согласие властей своей страны, словно документы, которые они составят, немедленно подпишет президент. Многие годы они, предвкушая внимание и изумление мировой прессы, тайно готовились предъявить миру результаты своих трудов.

Первого декабря прошлого года, то есть пять месяцев назад, в Берлине было устроено впечатляющее шоу, которое Брам наблюдал из дому, сидя у телевизора. Ричард Дрейфус (актер, снимавшийся в «Челюстях») выступил в роли модератора. В Берлин прилетели бывший американский президент Джимми Картер и только что сложивший свои полномочия поляк Лех Валенса, чтобы приветствовать «Соглашения» и придать им историческое значение, а Нельсон Мандела прислал видеообращение. Сотни журналистов освещали шоу во имя мира. Даже Брам не мог сдержать восторг, наблюдая этот успех.

Но израильтяне в большинстве своем только пожимали плечами – не враждебно, скорее с усталой снисходительностью: ах, снова этот бывший политик Балин: без партии, без поддержки, без чувства юмора и способности видеть вещи в контексте времени; даже без жены (она за три месяца до того ушла от него к мачо, с которым вела в течение двух лет успешное теле-шоу), – но при поддержке европейских отморозков, мечтающих о палестинском государстве, – этим при-

спичило помогать созданию диктатуры, управляемой террористами.

Палестинцы на «Соглашение» практически не отреагировали.

– Я могу и завтра позвонить, мне это совсем нетрудно, – сказал Йохансон.

– Нет-нет, сегодня тоже хорошо, – отвечал Брам, проходя в конец коридора – должно быть, там, внутри, слышны его шаги.

– В котором часу мне лучше позвонить? – спросил Йохансон.

– Нет-нет, я хочу сказать: мы можем поговорить прямо сейчас.

– Говори.

– О'кей, я говорю.

– О'кей означает, что ты согласен? – Голос Йохансона был полон надежды.

– Нет – это значит «нет». Я решил не ехать.

– Я правильно тебя понял? – удивленно переспросил Йохансон.

– Да, ты понял правильно.

Брам повернулся лицом к стене и прошептал – так, чтобы из-за двери в другом конце коридора его не могли услышать:

– Я не могу сейчас уезжать, у меня только что родился ребенок.

– Мне очень жаль, – ответил швед, – но, честно говоря, я

ничего другого не ждал.

Досада, слышавшаяся в его голосе, выдавала шведа с головой: он не ожидал отказа.

– Но все же, – продолжал Йохансон, – может быть, мне удастся тебя уговорить?

И стал рассказывать, что обзвонил уже всех и получил поддержку кандидатуры Брама у большинства профессоров. Он мог бы вступить в должность в течение недели.

Брам разглядывал голые стены коридора, аккуратные плитки пола, люминесцентные лампы на потолке – все просто, удобно и недорого, без излишней роскоши. Это здание в сердце квартала Баухауз, с которого начинался Тель-Авив, никогда не украшалось. Явившись строить город своей мечты, немецкие евреи, выросшие под сенью югендштиля и ба-рокко, захватили с собой один модернизм; эстетика ради эстетики казалась им ненужным балластом.

За дверью Балин, старушка Сара и остальные ждали, пока он закончит разговор. Объявлять об уходе из университета положено за шесть месяцев, в сентябре он смог бы уехать. Через восемь месяцев, в Принстоне, они с Беном будут лепить снежную бабу в саду. Дом будет деревянным, с верандой, двухместным гаражом и автомобилем на дорожке у входа, с красным или зеленым почтовым ящиком на столбике у дороги. Он видел, как пласты мерзлого снега соскальзывают с островерхой крыши и падают вниз, разбиваясь на мелкие кусочки, птичьи следы на нетронutom снегу и скорлуп-

ки орешков, которые Бен насыпал в кормушку для голодных птичек. Брам придется оставить своих студентов, коллег, отца, которому в этом году исполняется семьдесят четыре года. Надо немедленно возвращаться в аудиторию, чтобы принять участие в обсуждении будущего своей страны. Солидарность – вот что он делит с ними и с той колоссальной абстракцией, которую они называют страной. Он и хотел бы освободиться от этого, но не может.

– Мне очень жаль, – сказал Брам гиганту, сидевшему у книжного шкафа красного дерева в американском кожаном кресле и глядевшему сквозь высокое окно на холодный дождь, пробуждающий от зимнего сна деревья университетского парка; кабинет у него, пожалуй, шикарнее, чем у премьера Израиля. – Я бы очень хотел, но не сейчас, может быть, через несколько лет. Фредерик, я... это невероятно лестное предложение, мечта всей моей жизни. Но пока не получается. Извини.

– Очень жаль. Ты все-таки подумай до понедельника и позвони. Кто-то из моих коллег предлагает на это место другого израильянина, но мне бы хотелось работать с тобой. Всего доброго, Эйб.

Другой израильянин. Брам страшно хотелось узнать, кого он имеет в виду, но спросить он не решился; и конечно, Йохансон никогда не назовет имени.

– И тебе тоже – всего хорошего.

Только через два часа Брам наконец покинул здание. Перед дверью распрощался с остальными и двинулся вперед, надеясь поймать такси. Он шел по плохо освещенной улице, ведущей к бульвару Ротшильда, мимо спящих домов с неопрятными палисадниками, мимо окон магазинов, закрытых железными ставнями, мимо плотных рядов припаркованных у тротуара пыльных, помятых японских машин и, пока шел, все сильнее жалел о своем отказе. Он решил позвонить Фредерику прямо сейчас и сказать, что обдумал все еще раз и согласен. Профессорство в Принстоне! Только псих может сравнивать это с такими неосвязаемыми понятиями, как «страна» или «народ». Он остановился, поставил портфель наземь и, уже шаря по карманам в поисках телефона, заметил краем глаза троих мальчишек, вынырнувших из проулка. Можно не обращать внимания. Ты не в Чикаго.

Он вытащил из кармана телефон, но звонить не спешил – чтобы не выглядеть в глазах Фредерика несолидным. Да и стоит ли, в самом деле, звонить? Завтра утром, без сомнения, его решение снова переменится. Он постоял в задумчивости, потом убрал телефон и оглянулся, почувствовав, что за ним наблюдают.

Те трое мальчишек все еще стояли неподалеку. В полумраке казалось, что им не больше восемнадцати. Значит, в армии еще не служили. И прежде чем успел сработать неосознанный защитный рефлекс, возникший в форме вопроса: арабы или еврей-сефарды? – все трое разом пришли в дви-

жение, словно долго репетировали сцену перед зеркалом, и выхватили узкие ножи. Сталь сверкнула в слабом свете редких фонарей.

Брам не сразу понял, что все это значит: он не мог представить себе, что ножи предназначены для него, и изумленно оглядел мальчишек – кроссовки, широченные спортивные штаны, майки. Они стояли совсем близко, отделенные от него лишь узким тротуаром. Подхватив портфель, Брам отступил в сторону и встал между машин, запаркованных вдоль улицы.

Один из мальчишек перемахнул через капот автомобиля легко и грациозно, словно в сцене драки из китайского фильма, и оказался на мостовой, против Брама. Брам попытался укрыться за высоким бортом грузовика; тем временем остальные мальчишки присоединились к товарищу. Юные, нервные, самоуверенные. Несомненно, арабы: красавчики, нежные, почти девичьи лица без единого прыщика, миндалевидные глаза. Бедняки из Яффы, безработные, сидящие на пособии и имеющие достаточно времени, чтобы ежедневной тренировкой довести свои тела до совершенства боевых машин. Они походили друг на друга, как кинозвезды: юные лица, ровные зубы, брови вразлет и типично семитские носы. «Должно быть, родственники, – подумал Брам, – одна из ветвей униженного клана». Они разом шагнули в его сторону, преграждая путь к отступлению, и изготовились к драке, чуть согнув в коленях ноги и подняв вверх ножи – словно

профессиональные фехтовальщики, готовые к молниеносному обмену ударами.

– Деньги, деньги, – тупо повторял тот, что стоял в середине.

Брам прислушался к его акценту. Араб. Шелковистые усики. Зрачки расширены – от возбуждения или наркотиков? Он выглядел несколько старше остальных, на вид – лет двадцати. Браму, современному, прогрессивному израильянину, понимавшему, с какими социально-экономическими проблемами сталкиваются молодые израильские арабы, не хотелось его ненавидеть. Эти мальчишки понятия не имели о том, чем он занимался нынешним вечером. Он должен им все объяснить.

– Я хочу вам кое-что рассказать. – Голос его звучал спокойно и властно. У него был опыт бесед с молодежью, он умел управлять своим голосом. Ему всегда удавалось успокаивать возбужденных студентов во время лекций.

– Don't fuck with us¹⁰, – прошипел в ответ мальчишка, в глазах его плескалась бешеная ненависть, он явно получал удовольствие от насилия. – Отдай портфель.

Он протянул руку, но Брам сунул портфель между автомобилем и своей ногой.

– Деньги – пожалуйста, но в портфеле – моя работа, два года работы, касающейся...

Он не знал, как быть. В портфеле лежала рукопись, про-

¹⁰ Нефиг зубы заговаривать (англ.).

должение его исследований о бегстве и исчезновении палестинцев. В книге указывалось на то, что с предками этих мальчишек плохо обходились. И там была не только последняя распечатка, но и бесчисленные заметки от руки, делавшиеся им в течение целого года.

– Не отдашь портфель, мы тебя прирежем, ты этого хочешь?

Браму стало страшно, дыхание перехватило, сердце бешено заколотилось. А у мальчишки начался нервный тик: мышцы вокруг левого глаза пришли в движение, веко произвольно задергалось. Остальные глядели на Брама брезгливо, словно он был чудовищем, которое надо уничтожить, ядовитым гадом, которого надо раздавить.

Брам подумал, что не заслужил такого отвращения. Может быть, другие и заслужили, а он – нет. Правда, при его участии был убит палестинец, но то был вооруженный террорист, бандит, убивавший стариков поселенцев. Им надо было избрать другую жертву. Брам ни в чем не виноват перед ними.

– В этом портфеле – моя книга, – сказал он.

Горло у него пересохло, веки, как и у мальчишки, произвольно задергались (в китайских фильмах эта деталь отсутствует, но теперь-то он знал, что в смертельно опасных ситуациях люди яростно бросаются друг на друга, беспрестанно моргая).

– Речь в ней идет о тысяча девятьсот сорок восьмом годе,

о Накбе¹¹ – я исследовал новые архивные материалы...

– Отдавай портфель, иначе подохнешь, – предупредил главарь.

– Можно я – по крайней мере – заберу рукопись?

В первое мгновение мальчишка не знал, как реагировать. Мысль о том, что кто-то в подобной ситуации может торговаться из-за пачки бумаги и готов за нее умереть, не укладывалась у него в голове, выводила из равновесия. Он взглянул на приятеля, стоявшего слева, тот неуверенно пожал плечами, и главарь повернулся к Брам:

– Забирай свое дерьмо, но портфель со всем остальным отдай.

– О'кей, о'кей, не нервничай. – Они дали ему несколько свободных секунд, и, получив отсрочку, Брам сразу успокоился.

Он уронил пиджак и щелкнул замочком портфеля.

– Пиджак мне тоже нравится, – прокомментировал его действия мальчишка.

Брам кивнул:

– О'кей. Теперь я достаю рукопись, договорились?

Мальчишки озирались по сторонам, оглядывая длинные ряды темных окон. «Операция», по их мнению, чересчур затянулась.

– Поторапливайся, отморозок.

Присев на корточки, Брам шарил в кармашках портфеля и

¹¹ Палестинская «катастрофа» (араб.).

думал: «Такое могло случиться только со мной: стоило принять решение остаться, чтобы тут же влипнуть в историю, какие случаются только с пьяными туристами, да и с ними не чаще чем раз в десять лет».

Нащупав то, что он искал, Брам поднялся, сжимая рукоятку Kel-Tec p11¹², небольшого 9-миллиметрового пистолета, который Рахель подарила ему, когда началась вторая интифада. Чтобы сделать ей приятное, Брам всегда носил пистолет с собой. Мальчишкам не понадобилось и трех секунд, чтобы оценить кардинальные перемены в ситуации с оружием; вероятно, они сообразили, что нападать с ножами было глупо. В этой стране, полной готовых к отпору солдат, для их целей необходим был, по крайней мере, гранатомет.

Брам не успел произнести ни слова: ножи упали наземь, все трое подняли руки. И стала видна, несмотря на плохое освещение, татуировка на внутренней стороне руки главаря. «Вот дураки, – подумал Брам, – кто же ходит «на дело» с короткими рукавами? По татуировке полиция их сразу найдет». Но сама татуировка... Не полумесяц и не кривой ятаган – звезда Давида и «узи». Евреи. Его чуть было не ограбили евреи.

Брам повелительно шевельнул пистолетом, приказывая мальчишкам убраться прочь. И они помчались, бесшумно ступая в своих мягких кроссовках, вдоль старых, сохранявших строгий облик немецких домов, и исчезли в полутьме, в

¹² Компактный полуавтоматический пистолет

густых кустах. У Брама так сильно закружилась голова, что он присел на корточки возле портфеля. Его тошнило.

2

Через полчаса Брам отпер дверь своей квартиры. Рахель не слышала, как он вошел. Она спала, свернувшись калачиком. Сквозь тонкую голубую ночнушку без рукавов просвечивал лифчик, поддерживавший тяжелые груди: она не снимала его на ночь с тех пор, как начала кормить малыша. Попка чуть отставлена, подол задрался, открывая взору таинственную тень меж сжатых бедер. Он встряхнул отброшенную простыню и укрыл ее.

Рядом с Рахель, на расстоянии протянутой руки, спал Бенни. Малыш родился худеньким и слабым, кожа на нем висела складками. В первые недели он почти не прибавлял в весе, но внезапно, словно очнувшись, начал жадно сосать молоко, набирая по полкило в неделю. Лежа на спинке, он улыбался во сне, сжав ручонки в кулачки и бесстрашно открывая миру грудь, животик и мягкие слабые ножки, на которые пока еще не мог встать. У Бенни была своя комната, но Рахель, покормив его в последний раз, оставила малыша рядом, чтобы вместе дожидаться возвращения Брама. По странному капризу генетики Бен уродился не в темноволосых, темноглазых родителей, а в деда: волосы у него оказались светло-рыжими, глаза – ярко-синими. Глядя на него, Брам вспоминал лица голландских евреев, которые запросто могли бы выдавать себя за протестантских пасторов.

Их четырехкомнатная квартира находилась в одном из новых районов, постепенно занимавших пустыри к северу от Тель-Авива, в направлении Герцлии, превращая побережье в бесконечную череду переходящих друг в друга пригородов, совсем как в Голландии. Квартира на верхнем этаже была просторной и светлой, со множеством дорогих «наворотов», вроде встроенной системы удаления пыли, современного бесшумного кондиционера и круглосуточного видеонаблюдения.

Они смогли позволить себе такую дорогую квартиру только благодаря тому, что Брам регулярно читал лекции в Европе и Америке. По крайней мере, треть квартир в их доме, где строгая архитектура сочеталась с восточной роскошью, пустовала. Застой в мировой экономике и вторая интифада отбивали у молодых семей охоту покупать дорогое жилье, а эти квартиры могли оплачивать только нувориши или young professionals¹³, которых вдобавок поддерживали родители. Они жили на пятнадцатом этаже, из окон с одной стороны открывался вид на море, а с другой, сквозь толщу дрожащего от жары воздуха восточных пустынь, в хорошую погоду можно было разглядеть арабские деревушки в холмах Самарии, дома и минареты. Здесь, в самой узкой части Израиля, полосу земли между их домом и арабами тренированный бегун мог пересечь часа за полтора. И если бы власть в тех деревнях захватили террористы, как на границе с Ли-

¹³ Молодой успешный горожанин (яппи), занятый в сфере бизнеса (амер.).

ваном или в Газе, центр Израиля, средоточие его экономики и культуры, оказался бы беззащитным перед религиозными фанатиками, считающими убийство еврея делом богоугодным.

Рахель оставила для него еду в кастрюле на плите – тушеные овощи без мяса: ее родители, индийские евреи, привезли с собой в Израиль вегетарианские привычки. Он грел еду, помешивая ее деревянной ложкой и прихлебывая вино из бокала. Снаружи, погруженный во тьму средиземноморской ночи, мирно спал населенный иностранцами район, и стрекот цикад лишь изредка прерывался sireнами полиции или автомобиля частной охранной фирмы.

Хозяева других квартир выпендривались, заказывая дорогую кухонную мебель у модных дизайнеров, а они оставили себе стандартную кухню, которую поставили всем строители: аккуратные белые шкафчики, алюминиевая раковина, четырехконфорочная плита и вытяжка над ней – ничего особенного; чем хороша была их кухня, так это размерами – пять метров на шесть, и в ней свободно разместился большой обеденный стол. Пятидесятиметровая гостиная с огромными окнами и просторной террасой соединялась с кухней широкой аркой; стоило нажать кнопку – и маркизы над окнами поднимались или опускались. Ипотека оказалась довольно высокой, и они мало что могли себе позволить, кроме старенькой «мазды», – зато каждый день получали неизъяснимое наслаждение, входя с улицы в прохлад-

ный, облицованный мрамором холл.

Его крепко обхватили сзади – руки Рахель, ее длинные пальцы с ухоженными ногтями; она поцеловала его в шею, и он прижал к себе ее руки.

– Как ты поздно сегодня, – пробормотала она сонным голосом, прислоняясь головой к его плечу.

– Никак не могли остановить Балина.

– Отойди, я сама.

Он отступил в сторону, позволяя ей занять место у плиты. Ее густые волосы, темно-рыжие от хны, закрывали плечи. Ночная рубашка просвечивала, ему видны были ее попка и застежка лифчика. Через три недели после родов она начала плавать, еще через неделю добавила к этому утреннюю часовую пробежку и за три месяца вернула своему телу прежние очертания, которые, несомненно, украсила увеличившаяся грудь. Она была на полголовы ниже Брама (который дорос до метра восьмидесяти) и по местным стандартам считалась высокой. Широкоплечий, ослепительно улыбающийся Брам мог – под настроение, на вечеринке – выглядеть неотразимым, как швейцарский лыжный тренер. Но если он проявлял чрезмерное, как казалось по-восточному ревнивой Рахель, внимание к посторонним дамам, она доходила до исступления и могла просидеть целую ночь на краю кровати, бормоча проклятья в его адрес. Собственно, и ему приходилось держать ухо востро: он не мог не замечать непреходящего интереса мужчин к своей красивой, умной жене.

Они познакомились после окончания учебы, во время военной службы. Рахель была одним из военврачей их полка. Когда она заступала на дежурство, все солдаты объявляли себя больными и требовали полного осмотра. Брам заболел навсегда, едва глянув ей в глаза. Он думал, что ее предки – эфиопы или йеменцы и эфиопы, но они оказались из тех евреев, что две тысячи лет назад перебрались в Индию. Тому, кто глядел на нее, чудились храмы, пропахшие благовониями, золотые статуи многоруких богинь, роскошные одежды из шелка и парчи, священные животные и золотые дворцы с тысячами зеркал. Она говорила, что в Индии антисемитизма не было, но «белые» евреи смотрели на «черных» свысока. А ее предки – евреи из касты купцов, бедняки, жившие в жалких лачугах, никогда не подвергались в Индии, где прожили сотни лет, такой дискриминации, с какой столкнулись в Израиле, – со стороны местных евреев.

Рахель спросила:

– Ну, что вы обсуждали?

Положив руки ей на бедра, он прижал к себе ее попку. Она невозмутимо продолжала помешивать содержимое кастрюли. Четыре месяца прошло с тех пор, как они спали вместе последний раз. Он робко подавал ей сигналы, но пока она их игнорировала.

– Все то же, – сказал он. – В зубах навязло.

– Как дела у Балина?

– Он начал беспокоиться о деньгах. И мы старались друг

друга поддержать. В точности как ты говорила: психотерапевтический сеанс. На самом деле все это давно не работает. Три года болтовни, сочинения разных бумаг, перелетов туда и обратно, поисков денег, встреч в Норвегии и в Германии.

– Я тоже ожидала большего, – прошептала она. – А что еще?

– Мама Балина испекла печенье.

– Ужас какой, – рассмеялась Рахель. – И ты его ел?

– Невозможно было отказаться. Она так на меня смотрела, словно мир рухнет, если я его не съем.

– Что за наказание это ее печенье!

– Она дала мне с собой несколько штук, для тебя и Бена.

– Ему этого пока нельзя.

– Я говорил, а она ответила: «Оно совсем свежее, не надо лишать ребенка радости».

– Кстати, неплохая идея. Чтобы раз и навсегда отучить его от сладкого.

Брам осторожно погладил ее бедра.

– Давай тарелку, – сказала она.

Он отпустил ее и, вынимая из буфета тарелку, подумал: наверное, надо вести себя решительнее.

– И достань еще один бокал, я хочу немного выпить.

Накладывая ему еду, она спросила:

– Ты тоже получил мэйл насчет исследования твоего генома?

Она поставила перед ним тарелку и, обойдя стол, села на-

против.

– Да. Ты собираешься пройти тест?

Он наполнил ее бокал.

– По-моему, это интересно. Твою ДНК поместят в банк данных. Тогда можно будет проследить происхождение всех еврейских семей, и родственники смогут найти друг друга, правда?

– Мне кажется, это может быть употреблено во зло, – заметил он, передавая ей бокал. – Насколько точно можно проследить родство?

– По мужской линии совершенно точно. Y-хромосома целиком передается от отца к сыну.

– Еврейская Y-хромосома?

– Забавно, да?

– Меня это почему-то пугает.

– Лехаим, милый, – сказала она.

– Лехаим.

Они чокнулись и отпили по глотку вина. Рахель заправила волосы за уши, а он глядел на ее полные груди в вырезу рубашки. Шесть лет они были вместе, но Брам никак не мог привыкнуть к тому, что она ему принадлежит; он разглядывал ее, гладил смуглое тело без единого изъяна, ловил трогательно-беспомощное выражение глаз – чувственное и немного испуганное, и мучительно-сладкое желание подымалось в нем, когда она тыльной стороной ладони смахивала капли вина с целованных им губ. В ярком свете кухонных

ламп, без капли косметики на лице она выглядела ничуть не хуже, чем в полной боевой раскраске, когда отправлялась на вечеринку. Впрочем, в последнее время они редко куда-нибудь ходили.

Когда он наконец закончил свою докторскую диссертацию и превратился в известного, хотя и со спорными взглядами, историка постсионизма, за них взялась израильская желтая пресса. Их называли «нидерландским историком и ослепительной красавицей индианкой, детским врачом». Папарацци фотографировали их на кино- и театральные премьеры, и они немедленно сделались желанными гостями в домах израильских левых. Все это быстро кончилось, когда они решили – вернее, он решил, – что жизнь не обогащается от болтовни под вспышки блицев со звездами мыльных опер, певичками и актерами. Больше никаких премьер, никаких публичных выходов, не имеющих отношения к профессиональной деятельности. Оба работали и пытались вести нормальную жизнь, словно вокруг была нормальная страна, без терактов и оккупированных территорий.

– Больше ничего интересного не случилось? – спросила она.

«Случилось, – подумал он, поднося ко рту ложку, – меня едва не ограбили трое еврейских мальчишек. Настало время, когда ночью на еврея могут напасть другие евреи. Если бы основатели государства услышали об этом, они долго хохотали бы в своих гробах. Страна стала нормальной, как все».

– Ты имеешь в виду Йохансона? – спросил он.

– Ты, черт побери, прекрасно знаешь, что я имею в виду.

Конечно, Йохансона. Ты говорил с ним?

– Да. Какая вкусная штука.

– Почему же ты ничего не рассказываешь?

– Хотел сделать тебе сюрприз.

Она выжидательно смотрела на него:

– Значит – согласился? Что ж ты мне не позвонил?

Он отправил в рот еще одну ложку еды и сказал:

– Я говорил с ним в одиннадцать вечера, и я отказался.

– Что?! Совсем обалдел? – возмущенно выкрикнула она. –

Отказался? Так мы не едем? Я думала, тебе хочется уехать.

Мы столько раз это обсуждали, и мне всегда казалось, что ты...

– Я думал, ты будешь согласна с любимым моим решением.

Он накрыл ладонью ее руку.

– Я была совершенно уверена, что тебе хочется поехать, – сказала она и убрала руку, внимательно и недоверчиво глядя на него.

– А потом я снова позвонил ему полчаса назад. И сказал, что подам документы на конкурс.

Секунду она молчала, как бы свыкаясь с его словами, побеждая недоверие к ним, и, наконец, улыбнулась:

– Боже... так мы – едем?

– Да. По крайней мере, если Йохансон сдержит свое обещание.

– В Америку, – прошептала она.

– Да.

Она прикусила нижнюю губу и опустила глаза. Потом поднялась и обошла стол. Он положил вилку, повернулся к ней, не вставая со стула, взял за талию и посадил к себе на колени.

И тут по ее щекам потекли слезы. Она спрятала лицо в ладонях. Он обнял ее за плечи.

– Милая моя, я подумал, что тебе тоже хочется поехать и ты считаешь, что Бену там будет лучше. Милая моя.

Она отерла слезы рукой и, кивнув, глубоко вздохнула.

– Извини, я совсем расклеилась – наверное, это как-то связано с переездом. Переезжать, знаешь ли, не самая сильная моя сторона. Впрочем, оставаться – тоже.

Они поцеловались, и он подумал, что теперь знает вкус ее слез. Потом она улыбнулась и сказала, смахивая слезы:

– Извини, расскажи лучше про Йохансона.

Когда ему надо было куда-то ехать, она начинала беспокоиться за несколько дней, а по мере приближения даты отъезда все больше мучилась сомнениями: зачем ему это надо, не лучше ли остаться дома, достаточно ли безопасно лететь, не будет ли проблем с паспортом на границе и не взять ли ему в дорогу походную аптечку? Последние две ночи перед его отъездом она не спала. И звонила по нескольку раз в день, пока он не возвращался.

Она встала, стянула рубашку через голову – кроме лифчика на ней ничего не было, – и сказала:

– Ты тоже должен все снять с себя, Брам.

3

Профессор Хартог Маннхайм, отец Брама, жил в трехкомнатной, по-спартански обставленной квартире. Здесь он написал все свои книги, в которых Брам не понимал ни слова. На окнах висели алюминиевые жалюзи, кресла и столик отлично смотрелись бы в приемной дантиста, кабинет выглядел, как подвал букиниста, заваленный пыльными книгами и рукописями, и над всем этим горели холодным огнем люминесцентные лампы. Картину довершала полупустая кухня, в которой отсутствовала современная аппаратура.

Брам потратил час, добираясь на своей «мазде» до отцовского дома, а потом еще полчаса кружил по району в поисках парковки, и отец принялся ворчать, что Брам опоздал на целых шесть минут. Точность была пунктиком Хартога. Шесть лет назад он вышел на пенсию и утверждал, что ни разу в жизни не пропустил по забывчивости деловую встречу, ни разу не опоздал (сверх разрешенных им самому себе ста двадцати секунд) и не имеет привычки разбазаривать чужое время. Каждое утро он вставал в полшестого и ровно в четверть седьмого садился за работу, не изменив этой привычке, даже когда добился славы и признания, какие и не снились большинству его коллег. Браму такой успех не грозил. Хартог жил ради работы. В десять он отправлялся в свой кабинет при Тель-Авивском университете (специальным рас-

поряжением оставленный за ним после выхода на пенсию) и мог сколько угодно орать на секретаршу Тамару, которая работала с ним со дня приезда Хартога в Тель-Авив, была предана, как собака, и, храбро перебивая шефа, платила ему той же монетой. К великому изумлению Брама, отец принял ее ор как должное.

– Слишком много автомобилей, па, – как всегда безуспешно пытался объяснить свое опоздание Брам. – Тель-Авив – большой город, а улицы не приспособлены к такому количеству машин. Иногда стоишь в заторе часами, я вышел из дому в четверть восьмого...

– Значит, надо было выйти в семь, – объявил отец из кухни. Он сражался с кофеваркой, которую привез из Голландии лет двадцать назад. – Или без четверти семь. На твоём месте, я так бы и поступил, и подождал бы снаружи, чтобы позвонить в дверь с точностью до секунды. Я не переношу опозданий.

– Разве? Впервые слышу! – отозвался Брам.

– Тебе давно пора прочистить уши! Завтракать будешь? Ты что-нибудь ел, Брам?

Отец всегда называл его голландским именем.

– Я никогда не завтракаю.

– Мешугинер!¹⁴ Завтрак – самая важная еда! Хочешь чего-нибудь? Я купил круассанов!

– Круассанов? Что я слышу! Так и до гедонизма можно

¹⁴ Сумасшедший (идиш).

докатиться!

Хартог был не только всемирно известным биохимиком и патологическим перфекционистом, он был еще и феноменально скуп. Он отыскивал магазины, где можно было купить позавчерашний хлеб, потому что его продавали со скидкой, ел самое дешевое мясо и вырезал из газет объявления о распродажах.

– Сегодня особый день, – отозвался отец виновато, словно извиняясь за серьезную слабость, к которой следовало отнестись снисходительно. Он вошел в комнату, держа в руках поднос с двумя кружками кофе и тарелкой с парой круассанов.

Брам отобрал у него поднос и осторожно поставил на серый стальной стол, который армейский интендант считал бы чересчур уродливым для солдатской казармы.

В декабре Хартогу исполнится семьдесят четыре года, но, хотя в последнее время он начал сдавать и ему все труднее становилось держаться прямо во время ежевечерних прогулок (начинавшихся ровно в полшестого и продолжавшихся ровно пятьдесят минут), – внешне он производил сильное впечатление. Хартог был высок, копна седых, нечесаных волос делала его похожим на Эйнштейна, а глаза, вопреки возрасту, оставались ярко-синими и светящимися, как ирисы. У него было тонкое лицо, с ранней юности (в вонючем пригороде провинциального Зволле¹⁵) чудесным образом приоб-

¹⁵ Город в Голландии.

ретшее черты аристократизма, а голова полна была неопровержимых взглядов и суждений.

– Они очень вкусные, поешь, а то свалишься, – сказал Хартог.

– Я уже лет десять как не завтракаю.

– Это ничего не значит. В любой момент можно упасть в обморок, я знаю, о чем говорю. Сделай мне удовольствие, съешь круассан.

Брам взял с тарелки круассан.

– Ты что, специально для меня их купил?

– Да.

– Папа, что с тобой случилось?

– У меня было хорошее настроение. Или, если угодно, я проявил слабость. Вкусно?

Хартог вел себя так, словно совершил подвиг или сам испек эти круассаны.

Под напряженно-выжидающим взглядом отца Брам откусил кусочек. Немного подождал. Прожевал. Кивнул.

И Хартог просиял и тоже кивнул, довольный до чрезвычайности.

– У них самые лучшие, у Хаевского. У русских.

– Прекрасно. Но о круассанах мы могли бы поговорить и по телефону.

Отец позвонил ему два дня назад. Он хотел обсудить с сыном что-то важное. И непременно у себя дома.

– Речь идет о вкусе, – сказал отец. – А вкус – непосред-

ственно телесное ощущение. Вкусовые процессы – невероятно сложный феномен.

– О вкусах не спорят, – робко заметил Брам, надеясь задушить дискуссию в зародыше.

– Чепуха, – отозвался Хартог. – Вкус существует и как объективное понятие. Все дело в электрохимических процессах.

– Я тебе верю.

– Очень мило с твоей стороны, – заметил Хартог, и Брам не смог сдержать улыбку. – Как дела дома?

Пять дней назад Хартог обедал у них; пока Рахель готовила, он держал на руках Бена, молча, без видимых эмоций, а после еды сразу ушел, но ему необходимо было знать, что у Брама дома все в порядке.

– Все в порядке.

– Это хорошо.

Отец отхлебнул кофе. Вообще-то он был человеком воспитанным и старательно соблюдал этикет, но когда пил что-то горячее, неизменно прихлебывал. Дурная привычка, приобретенная в пригороде Зволле.

– А ты есть не будешь? – спросил Брам.

– Я уже поел.

Брам взглянул на него. Отец сидел в кресле, держась очень прямо, свежий и энергичный. С головой, полной идей, в которых во всем мире разбиралось от силы несколько десятков ученых. В которых Брам не разобраться никогда.

Хорошо, что отец оставил его в Голландии, когда Брам было тринадцать. Иначе ему не удалось бы стать тем, кем он стал. В ранней юности ему казалось, что Хартог почти презирает его; он был уверен, что отцу хотелось бы иметь сына, свободно чувствующего себя в мире менделеевской системы. Но когда Брам пытался ставить химические опыты, они приводили к непредсказуемым результатам. Если он смешивал вещества, то либо не происходило ничего, либо – смесь немедленно взрывалась; реакции шли то слишком быстро, то слишком медленно. Это огорчало отца.

– Когда-нибудь научишься, – говорил он неуверенно.

Брам спросил:

– А у тебя как дела? Все в порядке?

– Лучше не бывает.

– Зачем ты звонил?

– Хотел с тобой поговорить. Ничего особенного, мне надо обсудить с тобой три вопроса.

– Для этого я и пришел.

– Еще круассан?

– Нет, папа, спасибо.

– Мне надо рассказать тебе то, о чем я раньше никогда не рассказывал.

Хартог прикрыл глаза, словно подыскивая первую фразу.

– Ну, папа, говори же.

Обычно Хартог говорил прямо и быстро, теперь же почему-то тянул время.

– Я думаю, как начать, – сердито отозвался Хартог.

Он уставился в стол, стоявший между ними.

– Ладно, я уже понял, как это рассказывать. Слушай.

Очень давно, мне было шесть, значит, в тысяча девятьсот тридцать седьмом году, мы едва сводили концы с концами. Я когда-то тебе об этом рассказывал. Был экономический кризис и вдобавок заболел отец. Каждый день мама ходила в деревню, продавала какую-то мелочь, вроде шнурков для ботинок. К счастью, брат уже мог работать. Но если я тебе об этом и рассказывал, я умолчал об одной вещи. Однажды...

Он прервал сам себя:

– Брам, это очень печальный рассказ, но все так и было на самом деле.

– Я тебя слушаю, – отозвался Брам.

– Ладно. Итак, однажды – звучит как детская сказка, но это правда было – ко мне на улице подошел маленький песик. Обычная дворняжка. Маленькая. Я хочу сказать, очень маленькая, я был совсем малыш, и песик был малышом – среди собак. Двое малышей. Представляешь?

Брам кивнул.

– И этот песик повсюду ходил за мной. Я не мог вернуться домой, потому что боялся потерять его. Я бродил по улице, пока не стемнело, и дома, разумеется, получил нагоняй. На следующее утро я снова увидел песика. Он ждал неподалеку от нашего дома, он прождал меня всю ночь. Наверное, он был создан для меня, а я для него. И я стал соби-

рать для него еду. Добыть лишнюю еду в нашем доме было непросто. У нас не бывало лишней еды. Но мне все-таки это удавалось. Песик ходил со мной в школу, ждал меня, потом провожал домой, и ждал у нашего дома до следующего утра. Я не смог придумать ему имени, но отец после прозвал его Хендрикусом, в честь тогдашнего премьер-министра, Хендрикуса Колайна¹⁶. Отец говорил: «Уж лучше бы он оставался премьером». Прошло несколько недель, и мама догадалась, почему я держу еду за щекой, а после сплевываю в руку. И Хендрикусу разрешили жить с нами. Мы все его обожали. А в тысяча девятьсот сорок втором году, когда нас забирали, они убили Хендрикуса у меня на глазах. Разбили ему голову прикладом винтовки. – Хартог замолк на несколько секунд, потом сказал: – Ты думаешь, я заплакал?

Брам кивнул.

– Нет. – Хартог покачал головой. – Ни слезинки не проронил. Я почувствовал жуткую ненависть. Забавно, именно ненависть помогла мне выжить, я все пережил благодаря ей. Может быть, другие выживали благодаря любви к кому-то или к чему-то. А меня охраняла ненависть. То есть фактически Хендрикус сохранил мне жизнь. Я никогда раньше об этом тебе не рассказывал, но, думаю, теперь пора рассказать. Последние несколько недель, – он поднялся, опираясь

¹⁶ Хендрикус Колайн (1869–1944) – успешный голландский бизнесмен, военный и политик. Член парламента с 1909, в 1925–1926 и в 1933–1939 – премьер-министр.

на кресло, словно снова превратился в маленького мальчика, каким был в далеком прошлом, – я ходил по приютам для животных и искал щенка. Хендрикуса.

Он открыл дверь туалета, и оттуда вышел в комнату, ковыляя на слабых лапках, песик. Щенок непонятной породы, с гладкой белой шерсткой, коричневыми пятнышками на головке и большими задумчивыми глазами.

– У Хендрикуса было одно пятнышко, совсем черное, но этот похож на него больше всех, – сообщил Хартог.

Довольный, он наблюдал, как щенок треплет его за штаны. Обычно он ненавидел все, что оставляет пятна, и, обедая дома, расстилал на коленях гигантские салфетки, которые нормальным людям могли бы служить простынями. Рахель специально купила одну такую, и каждую неделю, обедая с ними, он ею пользовался. Он мог подолгу еле слышно бормотать проклятья, когда, несмотря на все предосторожности, на его рубашке или брюках все же появлялось пятнышко, но этот песик мог делать, что хотел. «Боже, – подумал Брам, – он любит эту собачку сильнее, чем когда-либо любил меня».

Хартог смотрел вниз взглядом, полным любви.

– Я назвал его Хендрикусом, так же, как звали моего пса. Он родился от каких-то уличных собак, и я выбрал его, потому что он больше всех похож на Хендрикуса. У него такие же глаза. Наверное, та же порода.

– Он славный, пап. Но с ним надо гулять несколько раз в день, ты выйдешь из своего обычного ритма.

Хартог кивнул:

– Да, с ним надо гулять регулярно. Но это будешь делать ты.

– Я? Ты полагаешь, я буду каждый день мотаться к тебе, чтобы отвести Хендрикуса в парк прокататься?

– Зачем же? Хендрикус будет жить с вами. Я дарю его Бену. Пусть у него будет собака. Бен будет с ним играть. Любить его, как я любил своего Хендрикуса. И когда придет время, он спасет Бену жизнь.

Брам смотрел на своего отца, сына неграмотных родителей, блестящего биохимика, получившего двадцать один год назад Нобелевскую премию из рук шведского короля. Тридцать три года он был сыном Хартога, но только сейчас впервые ощутил главные составляющие его характера: непреклонность, силу и упорство.

– Чудесно, что ты придумал это, папа. Конечно, у меня появится куча забот, но... («Что – “но”? – подумал он, – нет никакого “но”».) – Ты придумал замечательный подарок.

– Да? Мне приятно, что ты понял. Именно это я имел в виду.

Нобелевский лауреат перевел взгляд с песика на сына, и Брам увидел, как в глазах его блеснули слезы. В последний раз он видел отца плачущим, когда они хоронили маму, за три месяца до вручения премии в Стокгольме.

Брам вскочил, повинувшись какому-то импульсу, и обнял отца. Прежде он никогда не позволял себе этого, у них были

другие отношения.

– Ладно, ладно, – сказал отец, и Брам сразу разжал руки. –
Смотри не наступи на него. Еще кофе?

– Давай. А потом я поеду.

Только теперь он мог бы по-настоящему сблизиться с Хартогом, теперь, когда почувствовал, как они похожи друг на друга, и именно теперь он должен уехать. А отец – останется. Как можно оставить Хартога со спокойным сердцем в этой квартире, похожей на контору? Хартогу уже семьдесят три, он может в любой момент заболеть и даже умереть. Он должен предложить отцу уехать из Израиля в Принстон и поселиться там с ними. Рахель. Надо сегодня же сказать ей об этом. Они должны взять Хартога с собой.

Песик побежал на кухню, вслед за Хартогом.

– Я купил для Хендрикуса специальную сумку! – крикнул тот. – Он сможет путешествовать в ней всю жизнь, вряд ли он сильно вырастет.

Брам, садясь обратно в кресло, отозвался:

– Ты собирался обсудить со мной три вопроса!

– Думаешь, я разучился считать? Ешь пока круассан!

Брам поглядел на круассан и подумал, что, пожалуй, стоит съесть его, чтобы потом не тратить время на ланч.

– Я получил телеграмму от Джеффери Розена, – крикнул Хартог. – Кто в наше время посылает телеграммы? Никто. Один Розен. Он находит это *classy*¹⁷. В будущем году мне

¹⁷ Шикарным (англ.).

исполняется семьдесят пять, и он хочет что-то устроить. Мне пока что и семьдесят четыре не исполнилось, а он уже всю готовится к будущему году. Как ты думаешь, что он собрался организовать?

Розен был американским миллиардером, с давних пор поддерживавшим многомиллионными вкладами лабораторию Хартога, потому что лекарства, созданные в его лаборатории, когда-то спасли жизнь дочери Розена.

– Вечеринку с огромным тортом, в который он воткнет семьдесят пять свечек?

– Не без этого, – откликнулся Хартог, входя в комнату в сопровождении Хендрикуса с новой чашкой кофе для Брамма.

Не было нужды спрашивать отца, почему он не сварил кофе и себе. Хартог выпивал с утра ровно три чашки кофе, все три – до девяти часов. Брам принял от него чашку и взглянул на отца поверх нее. Хартог усаживался в кресло: повеселевший, спокойный.

– Он пригласил для меня Бостонский Филармонический. «Не хочешь ли прилететь на концерт?» Для меня, слышишь? А после концерта – большой обед. А теперь попробуй подсчитать, сколько будет стоить только оркестр, а?

– Сто тысяч долларов, – ответил Брам. Он специально занизил сумму, чтобы дать отцу возможность удивить себя.

– Умножь на пять. Пятьсот тысяч. Что с ним делать – ума не приложу.

– Лучше бы добавил денег лаборатории.

– Уже сказал, что добавит. И что мне теперь делать?

– Пусть все идет, как идет. – Брам улыбнулся. – Кто еще может похвастаться тем, что в день рождения для него лично играл Бостонский Филармонический?

– Ну вот. Я позвонил Джеффери и сказал, что я – в вос-
торге. Так что в будущем году сэкономлю на дне рождения.

– Спасибо, что предупредил: я, значит, могу расслабиться.

– Теперь возьми круассан.

Если первый Брам удалось с трудом запихнуть в себя с помощью кофе, то второй запихивать было уже некуда. Он взял круассан с тарелки и отломил кончик. Может быть, отдать его щенку?

– А еще я завел себе любовницу, – сказал отец.

И посмотрел гордо, словно ни в чем не собирался оправдываться, словно появление любовницы – простительная слабость, только добавлявшая ему шарма. Любовница будет теперь к нему навсегда привязана, и, похоже, ему придется таскать этот балласт за собой повсюду.

Брам вспомнил номер отеля в Стокгольме, усталый коврами и заставленный кричаще дорогой старинной мебелью, где Хартог, получив премию по химии, в ночь после нобелевской церемонии несколько часов мерил шагами огромную гостиную. Чтобы не слишком шуметь, он разулся и старался ступать только по толстому ковру; Брам, слыша, как

он сморкается, решил сперва, что отец простудился в сырой Швеции, и только потом сообразил, что он тихонько плачет. Брам было всего десять, но он понял, что плачет отец не от радости.

После вручения премии Хартог сказался больным, не явился на праздник, устроенный специально для него Университетом Амстердама и правительством Голландии, и целый семестр не показывался в лаборатории. Проходили недели, а он безвылазно сидел в своей комнате; читал, ставил негромкую музыку – квартеты Шуберта, – которую Брам мог слышать, только когда открывалась дверь. И вот теперь, впервые после смерти жены, у Хартога появилась любовница. Он объявлял об этом, смущенно, как подросток, словно боялся реакции Брама или шока, который переживет в своей могиле Бетти – через двадцать лет после своей смерти – от того, чем ее муж занимается с другой женщиной.

Брам выпрямился.

– Пап, это замечательно! Где ты ее нашел?

– Тут неподалеку. В кафе. Обычно я не хожу в кафе, только в столовую на работе. А тут я был в книжном магазине, и мне захотелось выпить чаю. И Яна принесла мне чай. Она там работала. Она из России. И знаешь что? Она по профессии биохимик! А особенно забавно то, что она узнала меня, она знала, кто я такой. Представляешь?

Он подхватил одной рукой Хендрикуса и посадил к себе на колени. Щенок тут же улегся и затих.

Профессор, доктор Хартог Маннхайм, человек, знавший о биохимии все и за это получивший Нобелевскую премию, влюбился в официантку. Брам представил себе маленькую, чудаковатую учительницу-пенсионерку, устроившуюся в кафе, чтобы немного подработать к своей нищенской пенсии. Она составит Хартогу компанию, пока Брам будет расчищать снег на дорожках своего сада в Принстоне.

– Я страшно рад за тебя, пап. И очень хотел бы с ней познакомиться.

– Не проблема, – сказал Хартог.

Он поднялся и позвал:

– Яна! Яна! Иди сюда!

Дверь спальни отворилась, солнце хлынуло в комнату и, вся облитая золотистым сиянием, появилась крупная пятидесятилетняя женщина, широкоскулая и чуть раскосая, с высоко взбитой копной высветленных волос; в ее огромных грудях хватило бы молока на все грудничковое отделение больницы, где работала Рахель, а бедра вряд ли поместились бы меж подлокотников кресла.

– Яна, – сказал отец, – это Брам, полное имя – Абрахам, так звали моего отца. Яна, это мой сын.

Выйдя от отца, Брам позвонил жене, сказал ей, где припарковал машину, и поехал в университет на автобусе. Рахель доберется до центра на такси, а обратно вернется на «мазде». Как ни мала была вероятность теракта, Брам предпочитал, чтобы она не ездила общественным транспортом. Сам он был уверен, непонятно почему, что узнает потенциального самоубийцу, едва тот войдет в двери, и сел в автобус совершенно спокойно.

Рахель с интересом выслушала новости, не проявила особого энтузиазма по поводу собаки, зато была потрясена сообщением о Яне.

Щенок спокойно сидел в сумке и, с интересом озираясь по сторонам, наблюдал сквозь прозрачную стенку пробегающие за окном картины большого мира. Впервые в жизни он ехал в автобусе. Брам спешил в университет. Разумнее было бы отвезти щенка домой, но Рахель собралась в город и, конечно, не могла оставить песика одного в машине.

Рахель должна была встретиться с индийским режиссером – человеком из прошлого, из той части ее жизни, о которой Браму не хотелось вспоминать. Студенткой в Хайфе она подрабатывала в модельном бизнесе. И когда израильские глянцевого журналы донесли фото поразительно красивой темнокожей женщины до Индии, важнейшего торгового

партнера Израиля, в далеком Бомбее на нее обратили внимание. В пяти голливудских мюзиклах Рахель сыграла принцесс, потом снималась в ролях второго плана, исполнителям которых достается почетное место в дальнем углу огромного плаката; фотографии ее стали появляться в индийских киножурналах, но после скандальной связи со знаменитым (и к тому же женатым) актером слава ее померкла. Брам не скрывал, что ему трудно было бы смириться с возможным продолжением ее карьеры. Он понимал: вся эта суэта льстит ее самолюбию, и она имеет на это право. Но не верил в искренность Рахель, когда она высмеивала возможность возвращения в Голливуд в качестве солидной дамы. Он знал, что она постарается показаться режиссеру с самой лучшей стороны, отчего бедняга мог ослепнуть или потерять сознание. Хорошо, что они уезжают в Америку. Из Принстона до Голливуда дальше, чем до Марса.

– Брам, я не собираюсь туда возвращаться, – уверяла Рахель, – я только хочу узнать, с чего это вдруг он объявился.

– Как раз это я могу объяснить тебе без труда, – отвечал Брам.

Хендрикус смотрел на него серьезно, словно из-за Брама ему приходилось обдумывать какие-то сложные вопросы, и Брам вдруг заметил, что щенок чем-то напоминает ему отца.

– Знаешь, мой милый, по улицам Мумбаи гуляют самые красивые в мире женщины, по сравнению с этими дамами я – просто Квазимодо с выпученными глазами, страдающий

бубонной чумой, believe me¹⁸.

– Кто знает, вдруг он собирается снимать индийскую версию «Собора парижской Богоматери», тут-то ты ему и пригодишься, дорогая.

– Твои комплименты, как всегда, на высоте, милый. А что делают в прихожей твои костюмы?

– Я собирался с утра отнести их в чистку.

– Я сама отнесу, когда отведу Бена к Ране.

С Раной, хозяйкой детского сада «Тихий океан», двухэтажного домика, выкрашенного в цвет моря, Рахель служила в армии и в любой момент могла попросить ее пригладеть за Беном. С самого рождения Рахель не оставляла его одного ни на секунду. Если она решилась доверить Бена постороннему человеку, значит, разговор с режиссером важен для нее. Правда, Рана готова отдать за малыша жизнь – это снова напомнило Брамму то, о чем он думал вчера, – но Рахель, зорко следившая за тем, чтобы никакие опасности не угрожали ее сыну, действовала инстинктивно, как тигрица, защищающая своего тигренка от враждебного мира.

Через несколько минут Рахель позвонила снова. Автобус давно стоял, и Брам понял, что опаздывает на лекцию.

Рахель спросила:

– Кто такая Ханна?

– Ханна?

– Кто такая Ханна, ее имя написано твоей рукой на клочке

¹⁸ Поверь мне (англ.)

бумаги, который лежит в кармане твоего пиджака.

– Ах, эта...

Рахель сделалась особенно ревливой, когда стала замечать на ее беременность. Очевидно, решила, что теперь ее тело изуродовано огромным животом и Брам начнет заглядываться на других женщин. Сперва он старательно парировал ее обвинения, но это мало помогало. Потом перешел на лаконичные ответы – это не помогало совсем. Ей нужно время, считал Брам, чтобы понять, что он готов отдать за нее жизнь. Гинеколог сказал, что такое поведение может продолжаться довольно долго, приступы бешеной ревности случаются особенно часто с красивыми женщинами, которые боятся, что беременность изуродовала их.

– Кто она?

– Журналистка. Американка. Была у меня на работе.

– Хорошенькая?

– Пленительная.

– Поэтому тебе понадобился ее телефон?

Браму совсем не хотелось это обсуждать. Он сидел в автобусе со щенком на коленях, у ног его стояли сумки с собачьими мисками и едой. Он старался говорить как можно тише, чтобы не привлекать внимания остальных пассажиров.

– Я хотел посмотреть текст, прежде чем он будет напечатан. И на всякий случай взял у нее телефон.

– Но она тебе понравилась, правда?

– Она выглядела неплохо, но для того, чтобы я тебе изме-

нил, нужно нечто большее.

– Что конкретно?

– Понятия не имею, дорогая, много чего. Я как-то не думал об этом.

– Я уверена, что она находит тебя интересным мужчиной.

– А разве я не интересный мужчина?

– Если ты только посмеешь... я тебя убью.

– Ты чересчур строга. Как насчет показательной порки?

– Сперва выпорю, потом убью.

– Рахель, ты вообще можешь себе представить, сколько женщин я встречаю ежедневно?

– Вообще могу. И об этом я тоже беспокоюсь. Я знаю, какие там девицы ходят. По сравнению с ними я – старая, неуклюжая корова.

– А я – голландский крестьянин, девочка. И ты хочешь удивить меня коровами?

– Ты все шутишь, – сердито пожаловалась она.

– Ты предпочитаешь, чтобы я обсуждал это серьезно? Я давно забыл про эту Ханну.

– Ага, забыл, значит – раньше о ней думал!

– Нет, – вздохнул он, – только сейчас вспомнил. Благодаря тебе.

– Я хочу, чтобы ты всегда мне доверял, – сказала она примирительно.

– Поразительное совпадение: от тебя я хочу того же. Ты сегодня собираешься встретиться с каким-то режиссером, и

мне это неприятно.

– Тебе совершенно не о чем беспокоиться.

– Я беспокоюсь, как бы ты в него не влюбилась. Зачем он приехал и кого представляет. Вдруг он захочет отвезти тебя в Бомбей и поставить перед камерой?

– Этот город называется Мумбаи.

– Я хочу уехать с Беном и с тобой в Принстон. – Голос Брама дрогнул, и это прозвучало немного театрально, но ему было все равно.

– И я хочу того же, милый. Эта встреча для меня ничего не означает. Клочок прошлого.

– Я тебе верю.

– И я тебе, – откликнулась она.

Но через несколько минут снова позвонила. Автобус так и не сдвинулся с места.

– Мне надо отказаться от встречи с ним? – спросила она.

– А тебе очень хочется его увидеть?

– Глупо делать вид, что мне это нужно. Абстрактное желание, не больше, от которого легко отказаться.

– Решай сама. Наверное, теперь невежливо будет отменить встречу.

– Да, ты прав. Я уже еду.

– На такси?

– Да. Бен глядит во все глаза. Наш шофер, – она спросила шофера, откуда он, и продолжала: – Он из Эфиопии, фа-

лаша¹⁹, и его машина выглядит в точности как ярмарочный балаган – вся в разноцветных лампочках. Бен в восторге. – Она обратилась к сыну: – Здорово, Бен, да? Смотри, как они мигают, – и снова к Брамму: – Как там твой щенок?

– Сидит у меня на коленях. Чудный пес.

– Он не опасен для Бена?

– Ужасно опасен, – ответил Брам честно. Он не собирался избавляться от Хендрикуса. Пусть Бен растет с собакой. – Смертельно опасное крошечное существо с пятнышками на голове. Кровожадный монстр размером с хомячка.

– Ладно, скоро мы с ним увидимся. Позвоню после разговора с режиссером.

¹⁹ Так в Израиле называют эфиопских евреев.

Брам опоздал на занятия всего на десять минут, но отцовские наставления, казалось, снова зазвучали в его ушах. Только маме удавалось остановить Хартога, когда тот пытался давить на сына. Но она умерла молодой, за двенадцать недель до триумфа Хартога – нобелевской церемонии, королевского ритуала вручения премии, которой удостоился еврейский мальчик, побывавший в аду. Опухоли, поселившейся в ее теле, не было дела до торжественных церемоний.

Годом позже Тель-Авивский университет пригласил Хартога продолжить свои исследования в их лабораториях и вести занятия со студентами. Брам было предложено сделать выбор – поехать с отцом или остаться в Амстердаме, в «приемной» семье²⁰. Почему-то Хартог был уверен, что одиннадцатилетний ребенок способен сделать верный выбор. Брам любил отца, но боялся его. Мысль о том, чтобы остаться в Голландии совсем одному, казалась ему кошмарной, но и служить для отца источником постоянных разочарований тоже не хотелось. Брам считал: он должен остаться в Амстердаме, чтобы не огорчать отца своими провалами, помочь ему освободиться от скорби, связанной с кончиной жены, и от досады, вызванной слабыми успехами сына. На каникулы

²⁰ В Голландии, если родители уезжают надолго в связи с работой, заботы о ребенке временно берет на себя «приемная» семья.

Брам прилетал в Тель-Авив, спал на разъезжающейся раскладушке в «гостевой» спальне, служившей Хартогу кладовкой, часами молча сидел возле отца и – обыгрывал его в шахматы, беря реванш за все те случаи, когда отец, качая головой, корил его за ошибки.

Хартогу хотелось ввести мечтателя-сына в мир науки, а Брам удивлялся, почему отец никогда не учил его играть в шахматы. Только во время каникул в Тель-Авиве он понял: его отец, гениальный ученый, просто не умеет играть. С легкостью разбираясь в сложнейших расчетах, Хартог был напроць лишен таланта к шахматной игре – слабость, по-настоящему бесившая его («Я просто не заметил, просто не заметил», – жаловался отец, когда Брам прорывал его оборону). Брам же строил игру на чистой интуиции. Он всматривался в возникающие на доске композиции и передвигал фигуры, следуя логике развития событий. Когда Браму впервые удалось обыграть отца, он с изумлением понял, что тот абсолютно не в состоянии контролировать игру, и с тех пор, не желая упускать случая, постоянно уговаривал Хартога «сгонять партию». Удивительно, как по-рыцарски переживал Хартог поражения. Сбивая с ног своего короля и качая головой, он шутил:

– Ты победил, Брам. Куда мне до тебя с моей Нобелевкой! Ты гораздо сильнее.

И наставлял – на несколько мгновений – звездный час Брам. В эти мгновения рядом с иронией появлялась нежность,

которой Брам так недоставало. В эти мгновения он мог быть уверен: папа его любит.

Ему хотелось плясать от радости на берегу моря: папа гордится его успехами! Но счастливые мгновения проходили, Хартог быстро забывал о своем поражении, и Брам приходилось снова усаживать его за доску, чтобы продемонстрировать непослушному отцу свои феноменальные способности.

Брам не удавалось достичь блестящих успехов в математике или физике, потому что он любил истории. А значит, Историю. И до прохождения обязательной в Израиле армейской службы успел закончить университет – всего за три года. В процессе научных изысканий он набрел на идею, ставшую темой его дипломной работы, а благодаря связям отца смог добраться до документов, из которых следовало, что на самом деле история еврейской оборонительной войны должна быть частично переписана. Брам удалось доказать, что сионистские лидеры еще с тридцатых годов были нацелены на размежевание с арабским населением. Хартог, убежденный сионист старого закала, нашел бессмысленными и опасными результаты работ Брама, но вовремя понял, что сын совершил открытие в своей области. Можно наконец пожелать ему удачи и испытать законную гордость.

Брам преподавал современную историю Ближнего Востока – историю, полную умышленных и нечаянных убийств, путчей и геноцида, коррупции и ограблений. Иногда он

недоумевал, как можно, зная все это, продолжать верить в мирный процесс и считать местных жителей чудесными людьми, лишь немного подпорченными гордыней, властью и деньгами.

Сегодняшние двухчасовые занятия он начал с рассказа об Абдул Насере²¹, легендарном правителе Египта, которого современные египетские начальники, без сомнения, повесили бы, и попытался объяснить, почему многие египтяне и другие арабы до сих пор поклоняются Насеру. Потом перешел к фашистско-сталинской истории происхождения иракской и сирийской партии БААС²².

Несколько студентов, задержавшись после лекции, обсуждали с ним американскую оккупацию Ирака – обсуждать, собственно, было нечего, и так ясно, что Бушу не получить того, что он хочет, – когда позвонила Рахель. У него было окно – два часа, – и он собирался подготовиться к следующей трехчасовой лекции. Но Рахель ничего не хотела слышать.

– Брам, мне надо с тобой поговорить.

– Прямо сейчас?

²¹ Автор имеет в виду Гамаль Абдель Насера (1918–1970), второго президента Египта, в годы Второй мировой войны сотрудничавшего с Германией, позже инспирировавшего революции в Алжире, Ливии, Ираке и Йемене, создавшего Палестинскую Организацию Освобождения и Движение Неприсоединения.

²² Баас (Партия арабского возрождения) создана в Дамаске в 1940-х годах как арабское националистическое движение на основе идей, почерпнутых в Германии. Цель – объединение арабских государств. В Сирии и Ираке партии удалось прийти к власти (при несомненной помощи советских «советников»).

– Да.

– Я должен готовиться к лекции.

– Значит, не подготовишься.

– Как это – «не подготовишься»? Рахель, что случилось?

– Сам догадайся.

– О чем я должен догадаться?

– Он – режиссер, да? – предлагает мне главную роль в своем новом фильме. Мне и хочется и не хочется, понимаешь?

– Думаю, что да, – в замешательстве отвечал Брам.

– Мне не хочется играть в кино, но я знаю, что у меня здорово выходит, понимаешь? Такая работа подходит мне. Но я стараюсь задавить в себе это. А он – режиссер – уже получал призы в Каннах и Венеции. Жутко талантливый. И все-таки я не хочу этим больше заниматься. Я не актриса, я детский врач. Мы об этом уже говорили. И ты должен мне все это снова повторить. Нет, ты должен повторить все это сто раз. Ты можешь приехать, милый?

– Куда?

– Давай встретимся на полпути, у детского сада. Если ты приедешь раньше, подожди меня, ладно?

Рахель права. Она – прирожденная актриса. Едва войдя в полный народу ресторан, она привлекает к себе общее внимание. За столом с друзьями она – естественный центр компании; обсуждая проблемы Ближнего Востока, опьяненные вином и ее красотой, они ловят ее поощрительные взгляды.

Брам забрал Хендрикуса у Лилы, своей секретарши. Ще-

нок успел уже освоиться с ней и возмущенно запищал, когда Брам засунул его в сумку.

– Ты его выводила?

– Нет. А надо было?

Лила – маленькая, кругленькая йеменская еврейка, по-матерински заботилась обо всех и обладала слоновьей памятью. Портила ее только медлительность. И неспособность принимать решения.

Уже стоя в дверях, Брам спросил ее, как часто надо выводить собак.

– Кажется, три раза в день. А утром он гулял?

Как раз этого Брам и не знал.

– Он у тебя тут ничего не сделал?

– Нет.

– Значит, утром он гулял.

Возле университета стояло несколько такси, и Брам решил взять машину, чтобы поработать в дороге. Но так и не смог сосредоточиться, лихорадочно обдумывая, как совместить переезд в Принстон с работой актрисы. Рахель придется много разъезжать, во время съемок месяцами жить в отелях, и в один прекрасный день она влюбится в кого-то, кому найдется место в сумасшедшей жизни кинозвезды. Наверное, она права, от предложения придется отказаться.

Мимо его такси промчалась, истерически сигналив, машина «скорой». Хендрикус задрожал всем телом, напуганный первым в своей жизни столкновением с «Маген Давид

адам»²³.

Море было близко, и от сырости все становилось липким: воздух, которым он дышал, сидение такси, собственные подмышки.

Следя вместе со щенком за пролетевшей мимо «скорой», Брам вдруг понял, что их с Рахель отношения не сбалансированы: принимая предложение Йохансона, он даже не подумал о ее чувствах и амбициях, о том, как может его решение отразиться на ее жизни. А от Рахель ожидал, что она будет в первую очередь учитывать интересы семьи. Он осознал, что утренний разговор с режиссером может подтолкнуть ее к тому, чего он боялся больше всего на свете: Рахель может уйти от него. Она была слишком красива, слишком непредсказуема, слишком эксцентрична для него. Брам не мог понять, почему из бесчисленного множества поклонников она выбрала именно его. Он не был чересчур хорош собой. Не был одним из тех «мачо», что прочесывают израильские кафе и пляжи в поисках особо ценных тел, едва прикрытых обтягивающими топиками и мини-юбочками. Он был интровертом, смущенно держался в стороне и меньше походил на хищника, чем другие мужчины, хотя в мечтах и воображал себя совершающим самые отчаянные эскапады. Может быть, именно поэтому она выбрала его, ожидая ясности, верности и порядочности. И ожидания эти оправдались. Но она-то на самом де-

²³ Израильская служба «скорой помощи», на машинах которой нарисована красная звезда Давида.

ле была не только врачом, не только женщиной, ищущей тихой пристани, мечтающей родить ребенка; она была актрисой, жаждущей самовыражения и аплодисментов. Она становилась неуправляемой, когда ей казалось, что он флиртует с другими женщинами, но сама с радостью принимала знаки внимания от посторонних мужчин. Может быть, не стоило так строго ограничивать их светскую жизнь. Через несколько недель после публикации его исследований, в которых сравнивалась жестокость обеих сторон в конфликте 1948 года, они были приняты в круг левых художников, писателей и киношников. В этом кругу Рахель блистала. Она была не только чертовски хороша собой, у нее были, с их точки зрения, верные взгляды по всем вопросам.

Ему трудно было мириться с тем, что она везде чувствовала себя как рыба в воде. Среди киношников, художников и писателей ему было неуютно из-за постоянных подколов и удручающей бездуховности. Он чувствовал себя беспомощным, бездарным типом, которого терпели только за ученость и положение в обществе. Он ощущал их зависть: всякий мечтал обладать этой исключительной красоткой, этим длинноногим созданием с массой роскошных волос и глазами дикой кошки, этим призом, который должен выиграть правильный мужик, точно знающий, о чем она мечтает, мужик, который завоеует ее, осыпав золотом.

Или все это только казалось ему? Брам считал, что освободился. В восемнадцать он мечтал перещеголять отца в на-

учных успехах. Ему было всего двадцать восемь, когда он стал профессором, но все равно отец, кажется, воспринимал его успехи несколько снисходительно. Для биохимика любой историк, даже блестящий, не более чем психованный мечтатель, копающийся в полузабытых старых байках: лузер – он и есть лузер.

Снова послышался вой сирен, теперь их было уже несколько, и таксист резко свернул к тротуару, освобождая дорогу трем «скорым», которые промчались мимо. Когда Рахель училась, готовя себя в профессиональные спасательницы, она несколько месяцев проработала волонтером на «скорой». Удивительное везение – ей доставались только несчастные случаи, аварии и инфаркты: обычная боль, обычный страх; и ни разу не пришлось выезжать на теракт.

«Скорые» проехали, шофер вернулся на дорогу, а Брам расстегнул сумку и приласкал дрожавшего от страха щенка.

Но рев сирен раздался снова. Теперь они вопили со всех сторон, их становилось все больше, они приближались – Брам никогда еще не слышал такого. Все машины встали, сидевшие в них люди напряженно глядели перед собой. Темная тень промелькнула над ними, и Брам поглядел вверх. Два вертолета пролетели так низко, что автомобиль затрясло от грохота их моторов.

Хендрикус замер от ужаса.

– Включи-ка радио, – попросил Брам.

Шофер – толстый, лысый, небритый дядька с отвисшей

нижней губой – покорно кивнул. Ясно было, что в этой пробке они простоят не меньше часа. Брам прочел на прикрепленной к щитку лицензии его имя, дававшее полную информацию о прошлой жизни: Владимир Латошенко. Толстые пальцы повернули рычажок настройки и сразу нащупали волну новостей: теракт, число раненых и убитых пока неизвестно, чудовищный пожар, теракт-самоубийство, на этот раз, возможно, усиленный зажигательной бомбой, репортер находился рядом с местом происшествия – неподалеку от улицы, где застряло такси Брама, официальных сообщений пока не передавали.

В машине рядом кто-то спокойно закурил. С другой стороны две женщины упоенно болтали. Одна из них улыбнулась, и они засмеялись уже вместе. О чем они говорили? О любви, о работе, об отпуске?

Брам чувствовал растущее беспокойство, древняя, полученная в наследство от предков внутренняя дрожь постепенно охватывала его. Надо бы спросить у отца о погибших родственниках, он-то все о них знает, а Брам не слышал даже имен.

Счетчик показывал шестнадцать шекелей. Брам вытащил кошелек:

– Боюсь, вам непросто будет отсюда выбраться. Возьмите полсотни, а я, пожалуй, пойду.

У него не хватало терпения ждать. Движение было полностью перекрыто, а он хотел как можно скорее оказаться ря-

дом с теми, кого любил. Уткнуться лицом в волосы Рахель. Сжать в руке пальчики Бена. Шофер равнодушно взял деньги. И пока Брам застегивал портфель и собачью переноску, сказал, безбожно коверкая иврит:

– Я с Советской армией быть в Афганистан. Пожары большие, как горы. В Афганистан американцы послать против нас Бен Ладен. Они сами этот монстр создать. Монстр благодарить Буш. Самолетами в башни.

Брам молча вылез из машины и пошел вперед. Он был хороший ходок, путь до детского садика не должен занять больше десяти минут. Вот только воздух, субстанция прозрачная и почти невесомая, вдруг сделался тяжелым и плотным; каждый шаг давался ему с огромным трудом. Верно, из-за давившей на психику чудовищной истерике сирен, прорывавшейся меж домов и поверх крыш, окружавшей его со всех сторон. Сотни сирен ревели, словно раненые звери. «Я ведь могу позвонить ей», – подумал Брам и поразился, что такая простая мысль не пришла ему в голову раньше. Надо было сразу звонить на мобильник, не дожидаясь, пока беспокойство ледяной рукой сожмет горло, пока от страха за них не начнут подкашиваться ноги.

Он остановился, вытащил из портфеля телефон, набрал номер и тут же услышал ее голос: «Рахель Маннхайм, оставьте сообщение после сигнала».

Брам отключился. Что мог он ей сообщить? Только – что хочет видеть ее немедленно. Почему она отключила теле-

фон? Конечно, боялась перебудить мирно спящих в яслях детишек. Он представил себе ряды разноцветных кроваток, желтых, красных и небесно-голубых; кукол и сказочных зверюшек, а в одной из кроваток румяную мордашку Бена, ждущего, когда Рахель приложит его к своей дарующей жизни груди. Он изо всех сил вцепится ей в палец, она присядет на скамеечку и с любовью склонится над ним.

Брам торопливо шел в сторону яслей. Улица вдруг наполнилась толпой пешеходов, заполнявшей ее, переливаясь через края тротуаров. Мужчины, женщины, дети – все глядели вверх, на угольно-черные облака дыма, столбом поднимавшиеся за рядом домов в безветренном сером воздухе; на этом фоне, как в кино, вертолеты нервно кружили над крышами. Брам тоже сошел на мостовую и, ускоряя шаг, пошел, лавируя между машинами, к своей жене и сыну. «Тихий океан». Что за чудесное название для детского садика. Брам старался не слишком раскачивать сумку, в которой сидел щенок, но руки плохо слушались его, и Хендрикус тихонько заскулил. В воздухе стоял острый запах бензина и горелой пластмассы – отец, без сомнения, мигом определил бы его химическую структуру.

В горячем мареве, висевшем над дорогой, Брам шел, лавируя меж автомобилями и огромных грузовиков. Люди вокруг него звонили по телефонам, молчали, уставившись в пространство, вытаскивали из пакетов бутерброды и не спешили жевали. Зрелище напоминало застрявший в пути кара-

ван; все здесь стремились поскорее тронуться с места и добраться до контор, магазинов, складов, ресторанов и детских садов.

Но впереди стряслось нечто непреодолимое, путь перекрыл огнедышащий дракон, чей жар чувствовался даже на расстоянии. Брам побежал, сердце заколотилось где-то у горла: скорее, скорее увидеть, что же там произошло. Смотреть он боялся. Что-то там было не так, как должно. Он знал: там что-то не так, словно разом ослабевшее тело осознало то, о чем не желала слышать душа. Боже, этого не могло быть, там не мог случиться пожар, там не нужна толпа машин – «скорой» и полиции, перемигивающихся тревожными огнями. Сотни красных и синих огней, чудесное украшение для детского сада, бросали отблеск на стены домов, а он шел вперед, прямо в слепящее сияние этих огней, ничего не видя вокруг, словно солнца не было в небе. Воздух страшной тяжестью ложился ему на плечи.

Он свернул в переулок – жар и утробный рев черного огня все усиливались – и остановился перед плотной стеной людей. Яркие блузки и рубашки, сверкающие лысины и «конские хвосты» с цветными ленточками, кудряшки африканцев и светлые волосы русских. Но у него не было времени ждать, он знал: здесь этого не может быть, Господь Всемогуший, этого не должно быть.

Он понял, что надо сделать: вернуться назад, остановить часы, заставить время течь вспять, чтобы снова стало без пя-

ти час, чтобы еще не наступило тридцать шесть минут второго. Тогда он успел бы позвонить Рахель, он крикнул бы: «Рахель! РАХЕЛЬ! РАХЕЛЬ! Скорее! Лети в «Тихий океан»! Прямо сейчас!! Хватай Бена в охапку и беги оттуда, там что-то не в порядке!! Поверь мне, любимая, там творится что-то странное! Забери его! Забери! Забери!»

Он снова набрал ее номер и снова услышал: «Рахель Маннхайм, оставьте сообщение...» Ее телефон был все еще выключен. Почему она не звонит?

– Простите, простите, простите, – забормотал он, ввинчиваясь в плотную толпу и пытаясь протиснуться вперед меж возмущенными, потрясенными, взволнованными людьми. Грубо расталкивая зевак, он пробирався к полицейскому заграждению. Но и перед ним не остановился. Он разорвал желтую ленту и пошел к горящим машинам, потому что узнал среди них свою «мазду», старенькую, обшарпанную японочку, на которой утром ездил к Хартогу. Потом ее забрала Рахель, чтобы отвезти Бена в садик.

Когда он разорвал ленту, кто-то крикнул, чтобы он оставался на месте, но разве мог он остановиться? Он уже подходил к «мазде», когда чьи-то крепкие руки, руки полицейских, схватили его; странно: причиняя боль, они, кажется, пытались его успокоить. Но он уже увидел языки пламени, рвущиеся из окон здания, которое когда-то было выкрашено в цвет моря, гигантской коробки кубиков, несшей в себе угрозу чудовищного пожара, готового вырваться наружу. А

где же кровати, в которых спали дети? Где игрушки, лесенки и горки, баночки с краской, картинки на стенах?

Пожарные разворачивали шланги, с крыши одной из красных машин выдвигалась в сторону здания лестница. Черные облака вонючего дыма поднимались над домом.

Она должна быть где-то здесь, среди людей; нетерпеливо оглядываясь, она ищет его в толпе, и Бен у нее на руках, в полной безопасности, пытается разглядеть, что происходит за спинами полицейских; но полицейские окружили, отгородили его от людей, не дают отыскать жену. Он стал бешено вырываться, но, даже пытаясь высвободиться, не выпускал из рук портфель и собачью переноску, словно вещи эти были единственной опорой, удерживающей его в пределах реальности. Его бесили тупые полицейские, не понимавшие, что пожар разгорается у него внутри, сжигая все, что составляло его жизнь.

В глубине души Брам знал: этого не должно быть, Господи, это невозможно, но ясно мыслить уже не мог; надо позвонить отцу, подумал он, и попросить его сделать что-нибудь со временем. Хартог может все, он нобелевский лауреат, каждую секунду ему открывается больше тайн, чем Брамуде удастся узнать за всю свою жизнь.

Конечно, они не могли остаться в горящем доме. Конечно, они успели выйти, у Рахель поистине звериная интуиция. Она – дитя древней традиции, где реальность непостижимо гармонирует с чувствами. Велика была вероятность, что ее

подняло с места неосознанное беспокойство и она забрала Бена. «Шестым чувством» она могла учуять нечто неосознательное, могла расслышать то, чего никто больше не слышал. У нее случались фантомные боли, и странный, магический, полный тайного смысла спазм желудка мог подтолкнуть ее к тому, чтобы схватить Бена на руки и покинуть садик; откуда-то она знала: это та самая боль, и она бежала, бежала без остановки, пока за спиной не раздался взрыв. Но она не остановилась, она бежала, бежала. Все дальше и дальше.

«О Рахель, дорогая моя, – думал он, – о Бенни, малыш, мальчик мой».

Он разрыдался. И сам не мог поверить в то, что издает эти безумные звуки. Сдерживаться было невозможно, у него разорвалось бы сердце. Но может быть, он хотел, чтобы сердце разорвалось именно сейчас, чтобы жизнь покинула его тело вместе со слезами?

Он заметил, что полицейские чуть-чуть расступились, услышав его нечеловеческий вой, железные пальцы, вцепившиеся в его плечи, разжались. Ощувив свободу, он рванулся вперед, но его снова перехватили, теперь его держало человек семь, не меньше. Брам продолжал рыдать. Он не мог остановиться. Но беспорядочные вопли обретали смысл.

– ЛЮБИМАЯ ЛЮБИМАЯ ЛЮБИМАЯ! – выкрикивал он.

Полицейские силой усадили его наземь, их было слишком много, он не мог их одолеть: с девяти лет Брам не дрался и

потерял сноровку, хотя успел с тех пор отслужить в армии и ежегодно проходил сборы резервистов. Жизнь его была мирной, и хотел он только одного: обнять Рахель и Бенни, живых и невредимых. Он судорожно вцепился в ручки своих спутников – портфеля и переноски, – за все золото мира не согласился бы он выпустить их из рук. Его больше не надо было держать. Силы покидали его. Он не мог сдвинуться с места. И уже не мог рыдать. Только шептал:

– О мои дорогие, мои дорогие.

Он отдался на милость окруживших его людей.

Кто-то рядом сказал:

– Осторожно, в переноске сидит собачка.

Самым странным было то, что Брам внезапно понял: у него есть выбор. Понял, что может выбрать безумие. Принять это решение было проще всего. Ему не справиться с этим миром, он подберет для себя другой, где ему будет хорошо. Кажется, существует выход; выход, позволяющий избавиться от невыносимой боли.

Он закрыл глаза, сосредоточившись на многоголосом шуме, окружавшем его. Рев пламени, команды пожарных, стрекот вертолетов, приближающиеся и удаляющиеся сирены «скорых». Стоит только захотеть, и он сможет выкинуть все это из головы.

И вдруг он услышал:

– Я его жена.

Он и сам мог произнести эти слова, он знал, что совсем

нетрудно будет слышать их каждый день, каждый день заботливо пестовать в себе эту иллюзию.

– Позвольте пройти, нечего меня хватать! Это мой муж, отойди-ка!

Эти слова, которые он мечтал услышать, прозвучали не в его сознании, а снаружи. Он открыл глаза, посмотрел на стоявших вокруг людей, все еще державших его за руки.

И взору его на фоне черного от копоти неба явилась Рахель, твердая и решительная, как Мадонна, с малышом на руках. Бенни молчал, изумленно озираясь вокруг. Полицейские расступились, давая ей дорогу, и она, испуганно глядя на него, опустилась на колени.

– Боже, – пробормотала она. – Бедный, бедный мой мальчик.

– Я думал, что... – начал он, но больше ничего не смог сказать. Слезы потекли по его щекам. Полицейские отпустили его, но он остался сидеть на земле, скорчившись, оглушительно счастливый; в ушах стоял звон от усталости, он чувствовал, как безумие постепенно уходит и его место занимает облегчение. Обняв руками колени, он плакал, как ребенок, а Рахель ласково гладила его по голове и по спине, приговаривая:

– Успокойся, лапушка, ничего же не случилось, лапушка, успокойся.

– Не могли бы вы куда-нибудь обратиться отсюда? – прозвучал над ними сердитый голос. – Кое-кому, как ни странно,

вы мешаете работать.

Часть вторая

1

Принстон

Через четыре года

Август 2008

Он отвез Рахель в Нью-Арк²⁴ и возвращался назад с Хендрикусом. Хитрый пес уселся рядом с Брамом. Всю дорогу до аэропорта он простоял на задних лапах, упираясь передними в окно и глядя на улицу, а теперь быстренько перебрался на пассажирское сиденье со своего матрасика, лежавшего на полу новенького «форда эксплорера», купленного Брамом месяц назад. Через час самолет компании «Эль-Аль», на котором должна лететь Рахель, поднимется в воздух и возьмет курс на Тель-Авив. Она постоянно старалась upgrade²⁵ все вокруг себя – улаживала большие и малые дела, находила то дешевого слесаря, то старинный крестьянский стол, то рисунок их дома, сделанный во времена Гражданской вой-

²⁴ Аэропорт в штате Нью-Джерси, рядом Нью-Йорком.

²⁵ Здесь: улучшать, усовершенствовать (амер.).

ны²⁶ черным художником из Филадельфии – и, конечно, найдет чем заняться во время долгого перелета. Рахель уверяла, что не может спать в самолете, но Брам знал по собственному опыту: как только пассажиров покормят, она заснет. Иногда она засыпала в неудобном кресле крепче, чем в собственной постели, и ему приходилось будить ее, когда самолет разворачивался над Средиземным морем, заходя на посадку в аэропорту Бен Гурион. Завтра ее отцу исполняется шестьдесят пять лет, и Рахель решила явиться в Тель-Авив без предупреждения, чтобы сделать ему сюрприз.

В некоторых аэропортах Европы установлены скоростные сканеры, дающие возможность зарегистрироваться на рейс меньше чем за два часа до отправления, – как раньше, до терминала 11 сентября. Но в Америке, как и в Израиле, контроль осуществляется не машиной, а служащими. Через неделю, когда Рахель будет возвращаться, какой-нибудь чиновник потратит несколько минут на проверку ее багажа. Брам был абсолютно уверен, что компания «Эль-Аль», много лет занимающая первое место в мире по безопасности, доставит ее в Израиль в целости и сохранности. Сам он так не смог понять, какая сила удерживает самолет в воздухе, и необходимость куда-то лететь приводила его в ужас. Летать приходилось не реже чем дважды в месяц, и всякий раз он сидел, взмокнув от страха, тупо уставясь в экран ноутбука, напряженно при-

²⁶ Имеется в виду Гражданская война в США, которую называют еще «войной между штатами» (1861–1865).

слушиваясь к шуму моторов. Иногда ему чудились перемены в высоте тона или уровне громкости, и он начинал внимательно следить за стюардессами: не нервничают ли они, не бегают ли без надобности в пилотскую кабину. В течение всего полета поведение пассажиров фиксировалось видеокамерами, и Брам был уверен, что служит излюбленным объектом для обучения новичков. Указывая на его смертельно испуганное лицо, выделяющееся на фоне мирно спящих пассажиров, инструктор мог продемонстрировать будущим стюардам и стюардессам паникера: вот он – человек, налетавший сотни часов, но до сих пор не доверяющий профессионализму пилотов; вот он – возможный источник неприятностей.

Если он летел с Рахелью, то благодаря ее легкому нраву был почти спокоен. Она понимала его страхи, но находила их несколько чрезмерными. И о кошмарах, мучивших его по ночам уже почти два месяца, Брам рассказывал только ей.

Нынешним утром, когда он проснулся в полпятого мокрый от пота, она сказала:

– Ты слишком много работаешь. Лекции отнимают у тебя все силы. Надо их прекратить.

– Но нам нужны деньги. Один ремонт чего стоит.

Его книга о Шароне и Арафате, основанная на беспристрастном подборе фактов, стала бестселлером и принесла им достаточно денег, чтобы внести задаток за обветшалый загородный дом, куда они переехали четыре месяца назад.

Но лекции, которые он читал по всей стране, давали гораздо больший доход, чем проценты с продажи книги. Именно лекции давали возможность быстро покончить с ремонтом и рассчитаться с ипотекой. Ему хотелось определенности. Он не любил рисковать.

Основу дома – простую прямоугольную коробку – построили в 1828 году, но за два столетия он разросся, превратившись в лабиринт коридоров и комнат, и из-за колоссальной площади в семьсот квадратных метров казался бесконечным. Надо было срочно что-то делать, чтобы он не развалился. Архитектор и подрядчик старательно поддерживали в нем растущий страх. Они долго обсуждали «сгнившие стропила», но стропила оказались в полном порядке. Но все-таки трубы, электропроводку и большинство оконных рам придется заменить, ванные и кухню – перестроить и вдобавок перебрать большую часть крыши. После чего, к концу своей личной пятилетки, они смогут расслабиться и коротать долгие ледяные зимы под надежным кровом просторного, теплого, уютного дома.

Пока что они жили в «новом» крыле, построенном в 1928 году специально для слуг, которых в 1930 году, после биржевого краха, пришлось рассчитать. В плане дом имел z-образную форму; к короткому крылу (три спальни и большая гостиная с открытой кухней), где они жили, с одной стороны примыкал неухоженный газон огромного сада, а с другой – тихая дорога, ведущая к 518-му шоссе, по которому за

полчаса можно было добраться до Принстона. Сад занимал небольшую часть их холмистого участка в 26 акров, включавшего собственную английскую рощу, прорезанную просеками и грунтовыми дорогами. Дикие олени и лисы бродили меж деревьев, хищные птицы охотились на мелких зверьков.

До начала зимы надо было успеть наладить отопление, слесарь уже сообщил им, во что это обойдется. Их дом станет настоящим дворцом.

Скоростная дорога номер один связывала аэропорт Нью-Арка с Принстоном. Не прошло и часа, как Брам добрался до пригорода, застроенного недавно отреставрированными домами в колониальном и викторианском стиле, уютными и просторными, с аккуратными лужайками и гостеприимными верандами, украшенными элегантною резьбой по дереву. Дом доктора Джиотти отыскался быстро. Хендрикуса пришлось взять с собой. У Брама имелась сложная схема: в какие дни кому из знакомых можно его завозить, когда придется читать лекции; но сегодня никто не смог оставить у себя собаку. Бенни пока в садике, за ним он заедет в три.

Джиотти, как и следовало ожидать, оказался типичным итальянцем: маленький, чернявый, заботливый, с темными ироничными глазами и коротко подстриженной бородкой, в дорогом элегантном костюме и элегантнох туфлях от Бруно Магли. Кондиционер бесшумно гонял прохладный ветерок по его кабинету. Хендрикус с интересом обнюхивал пол

под простыми, обшарпанными стульями и круглым столом, за который они с доктором уселись. И на котором не было книг. Только пачка бумажных салфеток, кувшин с водой и пара стаканов «Dugalex». Когда Рахель велела Брамму обратиться к психоаналитику, в университете ему посоветовали именно этого доктора.

Джиотти записал на листочке возраст Брама, место рождения, где он жил и учился, дату смерти его матери, семейное положение.

Потом спросил:

– Итак, вы плохо спите?

– Да.

– С каких пор?

– Уже два месяца.

Странно было обсуждать свои сны с абсолютно чужим человеком.

– А раньше такое бывало?

– Нет, раньше – никогда.

Глаза у Джиотти были огромные, а веки от природы темные, словно он их подкрашивал, как женщина. Из-за этого Брам решил, что Джиотти красит волосы: ни следа седины в шевелюре, хотя на вид – никак не меньше шестидесяти.

– В вашей жизни произошли в последнее время какие-то серьезные изменения?

– Не то чтобы, – ответил Брам. – Впрочем, дом, мы купили дом. Который требует капитального ремонта.

– И вам из-за этого не спится?

– И из-за этого тоже.

– Вы не спите, обдумывая ремонт, это совершенно нормально. Но я так понял, что ваша бессонница вызвана и другими причинами?

– Так кажется моей жене.

– Это жена отправила вас ко мне?

– Она думает, вы сможете мне помочь.

– Бессонница вас сильно беспокоит?

– Она не беспокоила бы меня совсем, если бы время от времени удавалось выспаться, так что – беспокоит, но не слишком.

– Вам трудно заснуть?

– Нет, с этим нет проблем.

– Сексуальные проблемы?

– Что вы имеете в виду?

– Проблемы с эрекцией?

Никто, никогда не задавал Брамму таких вопросов.

– Нет.

– Вы получаете удовольствие от секса?

Брамм не был уверен, удастся ли ему продержаться еще полчаса.

– Да.

– У вас много партнерш?

– Нет. Я верен жене.

– А как вам кажется, ваша жена тоже удовлетворена своей

сексуальной жизнью?

Они всегда делали то, что им хотелось. Рахель была чудесна. То, как ее изумительное тело отвечало на его ласки, делало невыносимой саму идею поиска других женщин. Как-то раз они взяли напрокат порнофильм. Иногда она, раздевшись, оставалась в чулках с подвязками и туфлях на «шпильках». Но наверное, все это лишь невинные развлечения в глазах опытного психотерапевта. Преподаватели Принстона обожали Джиотти. Может быть, в академических кругах процент извращенцев выше, чем среди работяг?

– Я думаю, да, – ответил Брам.

Джиотти кивнул и сделал пометку в блокноте.

– Вы можете описать свою ночь? Вы засыпаете хорошо, так?

– Да, но потом – потом я просыпаюсь от кошмара. И больше уже не сплю.

– В этом кошмаре есть некий сюжет?

– Да.

– И вы можете его пересказать?

Брам кивнул.

Вот как, значит, устроена беседа с психиатром. Сухой обмен интимной информацией, которая после обрабатывается и становится материалом для изучения и интерпретации.

– Вы пересказывали свой кошмар жене?

– Да.

– Она у вас умница – я встретил ее как-то у общих знако-

МЫХ – что она сказала?

– Что мне нужен хороший аналитик.

Джиотти удовлетворенно улыбнулся:

– Я же говорю, она умница, – и добавил: – Вам неприятно говорить об этом?

– Я бы лучше обсудил возможность позитивных перемен в Корее.

– Да вы, оказывается, оптимист! – не остался в долгу Джиотти.

– Просто не люблю заниматься самокопанием.

– Это и не нужно, пока ничего не случилось. Но вам снятся кошмары.

– Да.

– Нет нужды объяснять вам, что это может означать: не преодоленные страхи, загнанные в подсознание.

Брам кивнул. Он понимал, что кошмары порождены страхом. Он боялся потерять то, без чего не мог жить. Рахель. Бенни. Дом. Работу. Отца.

– Не могли бы вы приблизительно описать, как выглядят ваши кошмары?

– Они похожи друг на друга.

– С одинаковым сюжетом?

– Да.

– Ну что ж, начинайте, – кивнул ему Джиотти, словно приглашая актера начать показ.

– Попробую – но мне кажется немного странным говорить

об этом с вами.

– Конечно. Чтобы привыкнуть, нужны месяцы, если не годы.

– Вы хотите сказать, что я должен буду ходить к вам несколько лет?

– Понятия не имею. Но если это будет необходимо...

– Да зачем, когда есть снотворные? – удивился Брам.

– Совершенно справедливо. Я выпишу вам рецепт, и вы можете продолжать жить, как живете. Но мне все же любопытно знать, что за кошмары вам снятся.

Достаточно ли будет, подумал Брам, продолжать принимать таблетки или стоит попробовать разобраться наконец с этим кошмаром?

– Сон начинается, – сказал он, – всегда по-разному. Но потом случается что-то, из-за чего я попадаю в наш новый дом.

– И как, к примеру, он начинается?

– Например, я разговариваю с отцом. Мы говорим о его псе. Пес убегает, я – за ним, и мы оказываемся возле дома. Того самого дома, где мы сейчас живем. Но это только начало. Я вхожу в дом следом за псом, и вдруг пес проваливается сквозь пол, в дыру. Дом очень старый, на верхнем этаже в одной из комнат действительно в полу есть дыра. Я смотрю сквозь нее вниз и вижу, что пес стоит там, внизу, и жалобно смотрит вверх: он ждет моей помощи. Я бегу назад, спускаюсь по лестнице. Попадаю в какой-то коридор, в нем – не

думаю, чтобы мое подсознание было каким-то особенным, – слишком много дверей. А пса нигде не видно. Я слышу его, но не вижу. Потом из-под решетки кондиционера начинает валить дым. В нашем доме нет таких решеток, мы только собираемся их ставить. Дым наполняет коридоры и комнаты. Я зову пса по имени, но дым попадает в мои легкие, и я не могу двинуться с места. Я слышу, как скулит пес. И просыпаюсь.

Джиотти кивнул на Хендрикуса, старательно вылизывающегося под столом:

– Это и есть наш главный герой?

– Нет. Вернее, не совсем, частично.

– Вы когда-нибудь раньше держали собак?

– Нет.

– Даже в юности?

– Нет, – повторил Брам и вспомнил об отцовской собаке. – Отец держал пса, когда был ребенком. Я думаю, пес в моем сне принадлежит отцу. То есть насколько я могу себе его представить.

– Вы видели его фотографии?

– Нет, но отец мне о нем рассказывал.

– Он считал своего пса чем-то необыкновенным?

– Да. – Ничего больше не хотел он рассказывать этому чужаку. Разговор становился все более абсурдным. Не хватает еще и собак обсуждать.

– Не могли бы вы рассказать мне побольше про собаку вашего отца?

– Не думаю, что это относится к делу.

– Почему?

– Просто я слишком сильно беспокоюсь из-за дома. Мы недавно переехали. Он огромен, и потребуются титанические усилия, чтобы привести его в порядок. Реконструкция будет стоить кучу денег. Может быть, мы взялись за дело, которое не сможем завершить; боюсь, нам не справиться.

– Вам это только что пришло в голову?

– Это естественное объяснение, не так ли?

– Абсолютно. Но: испытываете ли вы облегчение?

– Какое облегчение?

– Исчезнут ли благодаря этому ваши кошмары?

Брам подумал, что, даже если это объяснение верно, оно вряд ли поможет ему исцелиться. Оно уже приходило ему в голову после одного из первых кошмаров, но было отвергнуто как неубедительное.

– Вы принадлежите к старой школе? – спросил Брам.

Джиотти взглянул на него вопросительно:

– К старой школе? Что вы имеете в виду?

– Они говорят, что, как только я пойму символику сновидения, оно перестанет меня беспокоить. То есть больше не будет на меня действовать.

Джиотти улыбнулся:

– Да, у меня тридцатилетний опыт работы с пациентами.

Но иногда требуется время, чтобы отследить все компоненты сновидения.

– А если это случайность?

– Сколько раз вам снился этот пес?

– Понятия не имею. Двенадцать, тринадцать... может быть, больше.

– И вы считаете случайностью то, что один и тот же образ раз за разом возвращается в сопровождении одних и тех же эмоций?

– Я боюсь браться за реконструкцию дома, боюсь, что у нас не хватит денег, а страхи никуда не денутся. И кошмар остается при мне. Я думаю, этого достаточно...

Джиотти прервал его:

– Что делает собака в том доме, который вам снится?

– Понятия не имею. У нас есть собака. У моего отца когда-то была собака.

Джиотти поглядел на дремлющего под столом Хендрикуса. Пес выглядел спокойным, и это удивило Брама. Обычно, оказавшись вне дома, Хендрикус нервничал и скулил.

– Как его звать? – спросил Джиотти.

– Хендрикус.

– А как звали собаку вашего отца?

– Так же, – ответил Брам, помедлив несколько секунд.

– Хендрикус?

Брам кивнул.

– Что это за имя? Израильское?

– Голландское.

– Оно что-то означает?

– Это имя состоит из двух германских слов: heim – то место, где находится твой дом, и rik, означающий власть. Немецкое имя – Heinrich.

Джиотти кивнул:

– То есть в какой-то степени указывает на дом, который вы купили. Большой дом.

У Брама форменным образом отвалилась челюсть.

– Черт возьми, – сказал он и рассмеялся. Процедура оказалась еще чуднее, чем он ожидал. А собственно, разве он чего-то ожидал?

– Вы хотите сказать, у меня в голове составился ребус? Мне снятся головоломки?

– Вы знали, что означает имя вашей собаки, но не отдавали себе отчета в этом. Пришло время, и головоломка сложилась.

– С вашей помощью.

– Я стараюсь, – заметил Джиотти без малейшего смущения. – Люди в течение тысячелетий чувствовали, что в снах закодирована информация, хранящаяся в подсознании. Библейский Иосиф был толкователем снов. Вернее сказать, он был первым психотерапевтом.

– Мальчиком мой отец жил в небольшом доме. Он назвал пса в честь знаменитого в то время голландского политика.

– Но вам известно значение его имени. Вполне возможно, что, если бы пса звали, к примеру, Паул, он не появился бы в вашем сне.

– Паул, Паулус, тихий, беззащитный, – пробормотал Брам.

Джиотти кивнул:

– Давайте-ка вернемся к началу сна. Они все начинаются по-разному, не так ли? А потом выходят на один и тот же сюжет?

– Да.

– Сон, который вы описали, начинался с вашего отца. Другие сны тоже начинаются с него?

– Нет.

Брам попытался восстановить в памяти картинку, с которых начинались его сны. В одном он шел по Амстердаму, вдоль Золотой излучины Хееренграхта²⁷, мимо роскошных домов, выстроенных купцами, приобретшими в семнадцатом и восемнадцатом веках колоссальные состояния на торговле специями, слоновой костью, шелком, китайским фарфором и рабами из Африки. К затейливо украшенной входной двери одного из домов вели ступени. Он заглянул в забранное решеткой окно. И увидел собаку. Толкнул дверь, она легко открылась. Собака побежала в глубь здания, и Брам последовал за ней.

– Я могу привести пример, – сказал Брам и описал прогулку вдоль канала, огромный дом, решетки на окнах.

Когда он закончил, Джиотти спросил:

²⁷ Центральная часть одного из «больших» каналов Амстердама, дома теперь в основном принадлежат различным учреждениям.

– Все эти компоненты, они знакомы вам?

– Да.

– Вы сами там когда-то гуляли?

– Да, много раз. Когда учился в школе...

Он испуганно посмотрел на Джиотти. Но терапевт молчал, невозмутимо глядя на него, и Брам понял, что многолетняя практика научила Джиотти сдерживать эмоции.

– Когда мне было восемнадцать, я должен был написать работу к выпускному экзамену. О Второй мировой войне. Для этого пришлось несколько месяцев ходить в архив Государственного института, где хранятся документы, связанные с войной. Этот институт и есть дом из моего сна.

– И собака сидит внутри?

– Да, собака сидит внутри.

– А как собака связана с институтом?

– Непосредственно, – пробормотал Брам.

– Непосредственно?

2

Бенни должен был пойти в начальную школу с осени, а пока они каждый день водили его в садик при университете. После разговора с Джиотти Брам заехал за ним. Хендрикус, играя, прыгал вокруг Бенни, покусывал его за руки, забегал вперед и возвращался назад. Брам пристегнул сына к детскому стульчику на заднем сиденье «эксплорера», и, пока он выезжал со стоянки, Бенни уговорил Хендрикуса успокоиться. Они прекрасно понимали друг друга.

Бен был существом неистовым, гораздо более воинственным, чем Брам в детстве. Они не стали бы покупать ему игрушечного оружия, если бы Бенни сам его не потребовал. Ему нравилось быть сильным. Он мог часами сражаться против вымышленных врагов, рубя их мечом, стреляя из автомата или карабина. А иногда выходил на бой до зубов вооруженным: в каждой руке по пистолету, за плечами – пластиковые «узи» и «АК-70», за поясом – пара мечей. Вылитый Рэмбо – впрочем, этого фильма он никогда не видел. Зато мультики со стрельбой и драками мог смотреть бесконечно. И вот что еще поражало Брама: Бенни ел, как молодой хищник. Но не толстел; он был мускулист и со временем обещал стать крупным, сильным юношей. Когда он ел, то напоминал Браму отца, очищавшего свою тарелку с таким же свирепым видом.

Раньше Брам считал отцовское отношение к еде следстви-

ем войны, считал, что голод, пережитый в лагере, научил Хартога съесть свою порцию мгновенно. Мальчиком он с изумлением наблюдал за отцом, сосредоточенно опустошавшим тарелку, словно волк, занятый лишь тем, чтобы, набив желудок пищей, покончить с голодом. Но Бенни был точно таким же, хотя и не пережил голодных военных лет. Этот юный Маннхайм не ел, а поглощал еду в буквальном смысле слова. Вкусно ли, нет – не важно. Бенни, как и его дед, собирался выжить любой ценой.

Брам наблюдал за ним, поглядывая в зеркальце заднего вида. Круглые щеки, ярко-синие глаза, светлые волосы, отросшие ниже ушей – пора бы его постричь. Хендрикус спокойно сидел рядом. Среди собак он выделялся, как и Бенни среди сверстников – упрямством, дикостью и ловкостью.

– Можно, я позвоню маме?

– Только завтра. Сейчас она сидит в самолете.

– Докуда она уже долетела?

– Понятия не имею. Пожалуй... – Он сверился с часами на щитке. – Пожалуй, она сейчас пролетает над Лонг-Айлендом. Если самолет вылетел вовремя, она летит уже час.

– Над облаками, – сказал Бенни. – Я хочу самолет-истребитель.

– У тебя уже есть один.

– Игрушечный...

– Ты сможешь стать пилотом, когда вырастешь.

– До сколько лет вырасту?

– Я думаю, до восемнадцати.

– Еще четырнадцать ждать?

– Да.

Считать Бенни выучился сам, когда ему было два года. Он постоянно что-нибудь считал. Складывал цифры, из которых состояли номера встречных машин, сам назначал буквам цифровые эквиваленты, – жил в удивительном мире, которым правили сила и числа.

Брам заметил, что Бенни напряженно смотрит в окно, словно меж пропитанных солнцем домов Западного Принстона таилась опасность, которую необходимо найти и обезвредить. Потом Бенни заснул. Когда с ними ехала Рахель, малыш настойчиво и шумно требовал, чтобы она садилась рядом. Иногда, сдавшись, она на ходу перебиралась на заднее сиденье, укладывала Бенни к себе на колени и гладила по голове, пока он не засыпал. Брам любил эти минуты в машине: все вместе, под защитой стального кузова, совсем близко друг от друга, на расстоянии протянутой руки – не хватало только отца.

Три месяца назад отец прислал ему мэйл. Его любовница внезапно умерла. Она ехала в автобусе, и у нее остановилось сердце. Медсестра, оказавшаяся рядом, пыталась вернуть ее к жизни, но не смогла. Брам тотчас же позвонил и записал на автоответчик свои соболезнования. А наутро получил новый мэйл: соболезнования ни к чему, она не была ему женой, и вообще ей повезло – о такой смерти можно только мечтать.

Брам прочел мэйл раз, другой. Хартог, который никогда не был щедр на проявление чувств, на этот раз превзошел самого себя. Не хотел, чтобы сын понял, как он тоскует по своей любовнице, считая это проявлением слабости, невыносимой в пределах его вселенной. Но что он имел в виду, когда писал: «можно только мечтать»? Была ли это просто фигура речи или попытка сообщить о чем-то важном? Брам ответил, что они рады будут видеть Хартога в Принстоне; не хочет ли он устроить себе каникулы недели на две? Ответ: совсем сдурил? Как я могу вдруг взять – и уехать!

А через десять дней Брам позвонили из какой-то тель-авивской больницы. Оказывается, Хартог упал на улице и потерял сознание. Они просканировали его мозг и обнаружили следы крошечного инсульта, практически не повредившего ему. Они решили, что должны поставить в известность семью, против чего Хартог возражал, и согласился дать телефон в Принстоне только после длительных препирательств.

Часом позже он сам позвонил.

– Как ты себя чувствуешь, папа? – спросил Брам.

– А как бы ты себя чувствовал, если бы лежал в больнице, опутанный шлангами и проводами?

– Ты все такой же? Шутишь?

– Почему бы нет? Эти глупые дети, которые крутятся тут и называют себя врачами, все вместе знают об инсультах меньше, чем я. Я хочу домой.

– Они считают, что тебе надо подождать до утра.

– Только под наркозом.

– Почему бы тебе не приехать сюда? Ты должен навестить нас хоть раз. Заодно и дом поглядишь.

– Дом мегаломана-мешугинер. Слишком большой.

– Удачное вложение средств.

– С каких это пор ты занялся вложением средств?

– Такой случай представляется раз в жизни.

– Да уж, случай. Случай вляпаться в дерьмо. Ладно, это твое дело. Сейчас мне все равно лететь нельзя. Потом как-нибудь, обещаю.

– А кто будет за тобой ухаживать?

– Они сказали, что каждый день кто-то будет приходить.

– Обещай мне, что эту ночь ты проведешь в больнице.

– Вряд ли у меня будет выбор. Как поживает малыш?

Хартог почти никогда не называл внука Бен или Бенни – только «малыш». Когда Бен немного подрос, Хартог решил, что его гены, пропустив сына, наконец-то расцветут во внуке.

– Здоров, хулиганит, все как всегда, – ответил Брам.

– С этим малышом надо заниматься дополнительно.

– Папа...

– Нет, послушай. У малыша явный талант. И ему не повредит, если ты попросишь какого-нибудь симпатичного студента-математика два-три раза в неделю приходить и играть с ним в цифры: складывать, вычитать. Сколько это может стоить? С деньгами у вас, кажется, все в порядке: книга при-

несла тебе целое состояние. Надеюсь, ты не все еще профукал на дом? Сколько раз я тебе говорил? Почему ты этого не делаешь? Поверь мне, малышу занятия не повредят.

– Я знаю. Надо будет поговорить с Рахель.

– Ты собирался с ней поговорить десять звонков назад.

– Я рад, что тебе не трудно повторить еще раз.

– Почему мне должно быть трудно?

– Ты же звонишь с больничной койки.

– Неправда, я сижу. В кресле. На койку я только смотрю.

– Ты прав, папа. Тебе там незачем оставаться. И глупо утверждать, что ты все такой же. Скорее можно сказать: ты все молодеешь.

– В твоем голосе мне послышался сарказм.

– Разве я посмел бы...

– Короче, можешь обо мне не беспокоиться.

– Я рад.

– Я еду домой.

– Вызови такси.

– А чем плох автобус? По статистике получается, что идти до автобусной остановки пока что опаснее, чем ехать в автобусе.

– Сохрани счет, папа. Я оплачу твою такси.

– О'кей, я возьму такси.

– Рахель хочет тебе что-то сказать, она ведь тоже врач.

– Их тут почти две тысячи в моем распоряжении. Более чем достаточно.

– Она уже подошла, пап.

Брам зажал ладонью микрофон и прошептал:

– Он просто невозможен. Ничего не могу поделывать.

– Хороший признак, – улыбнулась Рахель, принимая трубку. – Ну, старый ворчун, как дела?

Поразительно, каким счастливым выглядел отец, когда Рахель разговаривала с ним. В стальном щите Хартога существовало два тонких места, два человека, с которыми он позволял себе быть слабым и сговорчивым: Бенни – мальчик, походивший на него более, чем собственный сын, и Рахель, желаниям которой он с удовольствием потакал.

– Да, это Хендрикус лает, он желает вам скорейшего выздоровления, – ласково говорила Рахель.

В салоне «эксплорера» мирно спали Бенни и его друг Хендрикус. Брам вел автомобиль вдоль холмов, под сенью деревьев, отбрасывавших тень на дорогу, любуясь пасторальным пейзажем к западу от Принстона. Ему пришлось надеть темные очки, чтобы смягчить бившее в глаза солнце.

Их дом находился в полутора милях от Делавэра, реки, отделявшей Нью-Джерси от Пенсильвании. На другом ее берегу неторопливо разрасталась к северо-востоку Филадельфия – в ожидании счастливых перемен, которые непременно наступят через несколько десятилетий, когда она, слившись с Нью-Йорком, Нью-Арком, Нью-Брунсвиком и Трентоном, станет частью гигантского бесформенного мегаполиса, тяну-

щегося от Пенсильвании до Коннектикута.

И тут Брам вспомнил, что первый раз сон с собакой и домом приснился ему через день после того разговора с Хартогом. Вне всякого сомнения, раньше ему не снилось ничего похожего. В том сне присутствовал отец. Пес стоял перед отцом – должно быть, их что-то объединяло. Но может быть, глупо самому пытаться интерпретировать сны? Это работа Джюитти – расшифровывать сновидения вместе с пациентом. Психологи и психиатры больше ста лет успешно помогают робким, нерешительным людям, это правда. Но Брам не верил, что интерпретация может состоять из узнаваемых элементов и быть такой же случайной и беспорядочной, как сам сон. Объяснения Джюитти могли помочь только тем, кто верил, что они помогут. Результат достигается быстрее, когда пациент подробно говорит о своих проблемах, все проблемы, от начала до конца, излагаются в процессе сеанса, а толкование позволяет сделать из неоднозначной символики снов практические выводы. Брам точно знал, откуда явились его кошмары: слишком много забот, вот что. Болезнь отца, дом, работа на износ в университете. Он избавится от снов, если устроит себе передышку. На время прекратит чтение лекций и публикацию статей. Не спеша займется домом, замком, который защитит их от любых невзгод.

Он свернул на подъездную аллею, ведущую к дому; асфальт, попорченный рытвинами и ухабами, не имеет смысла чинить, пока не закончатся основные работы. Густой лес

по обе стороны дороги – его собственный лес – в который раз заставил Брама с гордостью подумать: «Абрахам Маннхайм, внук голландских евреев-голодранцев, приобрел землю в Америке – заросшие сорной травой газоны, потерявшие форму кусты и бесчисленные побеги плюща, оплетающие все, что попадается им на пути».

Высокая, разросшаяся за много лет живая изгородь двухсотметровой подковой охватывала дом – длинное строение из побелевшего от непогоды дерева, возведенное безо всякого плана, – вернее, разраставшееся в течение двух столетий в соответствии с нуждами и финансовыми возможностями хозяев. Дорогу замыкала посыпанная гравием площадка во всю ширину дома. За гравием тоже никто не следил: камушки потеряли цвет, а колеса автомобилей смешали их с песком. И все-таки сразу было видно, в какой чудесный загородный дом превратится эта развалина.

Бенни не проснулся, когда Брам заглушил мотор. Хендрикус поднялся, но сидел тихо, словно не хотел его будить. Брам отстегнул ремни, вынул Бенни из детского сиденья – удивительно, но малыш так и не проснулся – и, меж неподвижных деревьев, понес его к двери. Солнце безжалостно заливало светом старые стены, и чем ближе он подходил, тем яснее видел неизгладимые следы, оставленные на них непогодой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.